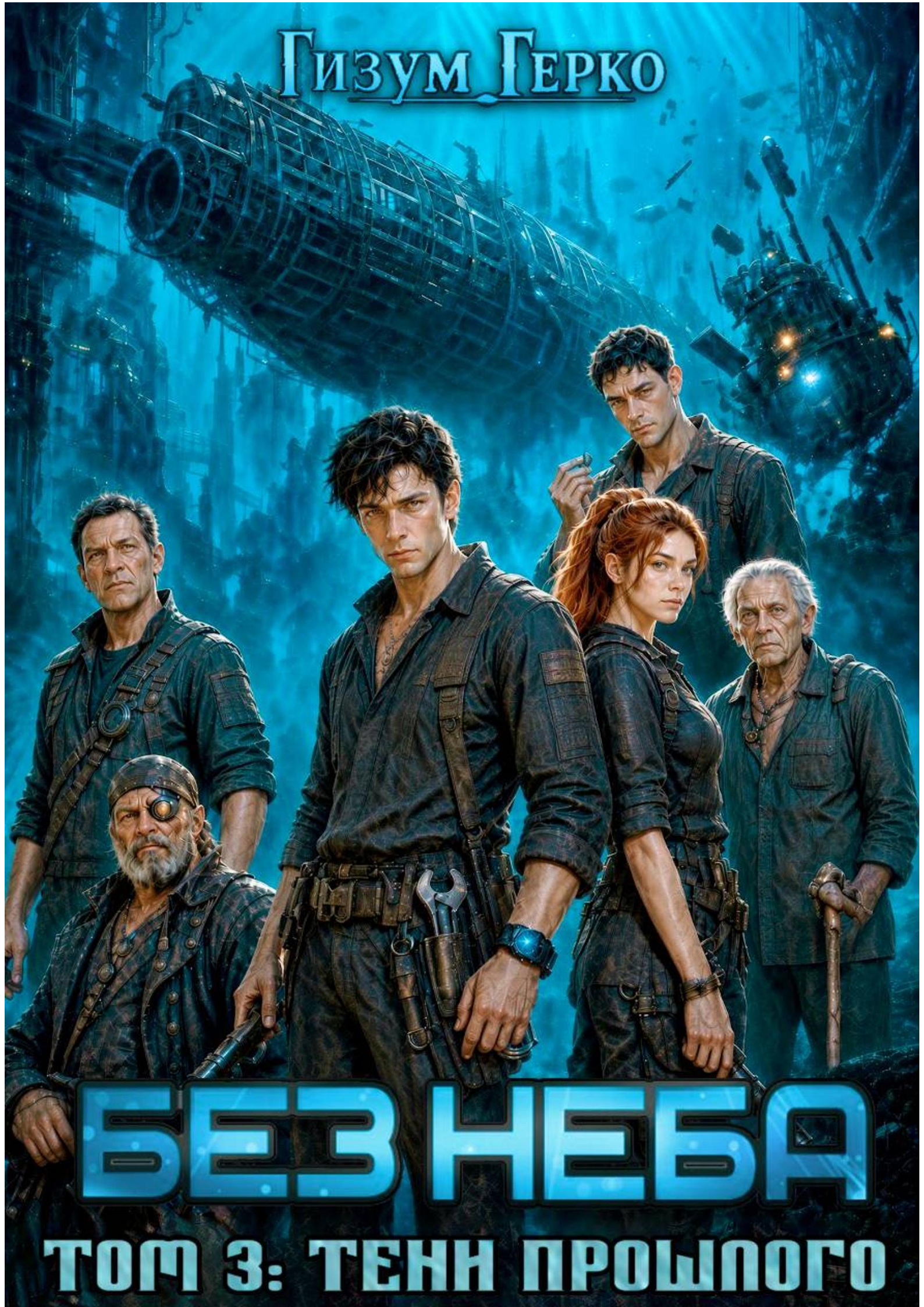

Гизум Герко

БЕЗ НЕБА

ТОМ 3: ТЕНИ ПРОШЛОГО

Гизум Герко

Без Неба 3: Тени Прошлого

«Автор»

2026

Герко Г.

Без Неба 3: Тени Прошлого / Г. Герко — «Автор», 2026

Когда Дно кажется твердым — оно проваливается. Гром и Сарра чудом спаслись от гнева баронов, в миг превратившись в богатейших жителей Дна. Но им не сидится на месте - они дергают за ниточки прошлого, надеясь найти след «Рассвета», утерянного корабля отца Грома. Их путь идет через полуразрушенные базы, через сломанных людей и шаткие союзы. Каждый новый контакт — риск, каждый шаг — испытание на прочность. Чем ближе координаты «Рассвета», тем явственнее становится запах чужой игры. Кто ведёт их по следу отца — друзья или охотники? Третья книга нуарной хроники шепчет: чтобы выбраться со Дна, придётся пройти по костям тех, кто туда уже не вернётся.

© Герко Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двадцать четыре дня	5
Глава 2. Три тысячи за сеанс	12
Глава 3. Даром	19
Глава 4. Кормить воздухом	28
Глава 5. Кто держит проход	35
Глава 6. Сделка закрыта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Гизум Герко

Без Неба 3: Тени Прошлого

Глава 1. Двадцать четыре дня

Двадцать четыре дня.

Я считал их по свету — другого времени на Верфи нет. В двадцать два в жилых блоках гаснут потолочные панели, в шесть загораются, и между этими двумя щелчками умещается все, что здесь называют жизнью.

Каюта была на четвертом ярусе, в блоке для экипажей, стоящих на долгом ремонте. Две койки с настоящими матрасами. Стол, два стула, шкаф с замком. Санузел, из душа которого шла не ржавая жижа из бака, а вода — чуть солоноватая, теплая, и лить ее можно было сколько угодно, потому что она была оплачена вперед.

Первую неделю я закрывал кран через минуту. Привычка держится дольше нищеты.

Иллюминатор смотрел не в океан, а в доковый комплекс: краны, стапеля, синие сполохи сварки на нижних ярусах. Сарра засыпала под них быстрее, чем под тишину.

Мы спали. Первые дни — по двенадцать часов, проваливаясь без снов, как в выработанный ствол. Тело брало свое молча, как берет долги Дно: без напоминаний, зато полностью.

И ели.

Не серую пасту из автомата. На Верфи оказались свои гидропонные лотки и садки, где держали неприхотливых глубинных рыб и моллюсков. Три кредита за порцию. На «Тихой Гавани» я зарабатывал четыре кредита в смену — и первые дни считал каждую тарелку в сменах, пока не заставил себя перестать.

Вкус у рыбы был странный. Плотный, соленый, живой. Сарра съедала все и отставляла тарелку осторожно, будто ее могли забрать.

О прошлом мы почти не говорили. О «Гавани», о Грете, об Арто, о Марке. Раны были слишком свежие, и слова к ним не подходили — все, что я собирался сказать, звучало у меня в голове как опись списанного имущества. Боль не ушла. Она легла на дно и лежала там ровно, как ил. Пока не заденешь.

Изменилось другое, и я понял это не сразу.

С нами стали разговаривать иначе.

На Верфи есть только один способ определить, кто ты: спросить, какая у тебя ступень и кто за тебя ручается. Механик второй ступени с поручительством Рорка — это не человек с деньгами. Деньги на Дне бывают у кого угодно, в том числе у покойников. Ступень означает, что кто-то поставил свою подпись под твоим швом и не пожалел об этом.

Личный док я оформлял у терминала в диспетчерской. Не место у общего причала, где твой корабль стоит на виду у всей Верфи, а закрытый бокс в боковом отсеке: свои ворота, своя инструментальная стойка, свой диагностический стенд.

— Класс корпуса. Тоннаж. Срок стапеля. Ответственный мастер, — сказал Администратор.

Голос у него был ровный, без интонации, и шел откуда-то сверху, из скалы. Я отвечал, и машина принимала: тоннаж, класс, срок, Рорк.

Про нас с Саррой она не спросила ничего.

В строке экипажа терминал поставил «расход по стапелю» и на этом успокоился. Кто будет спать в каюте, кто будет резать корму, как этих людей зовут и живы ли они еще — Верфи было все равно. Она считала железо.

Я стоял перед терминалом и думал, что вот это и есть знаменитый нейтралитет «Горла Машины», за который сюда бегут со всего Дна. Он не про честь. Верфь не выдаст тебя барону не потому, что не хочет, а потому, что не может рассказать о человеке того, чего никогда не записывала.

Пустая строка защищает лучше устава.

На третий день ко мне подошел кладовщик — сухой мужик с планшетом, из тех, кто помнит наизусть, что где лежит с прошлого года.

— Ты Гром? — Он посмотрел на меня без интереса, как на позицию в списке. — «Камнеед» брал у нас воду позавчера. Барт при всех сказал, что доля пришла. Вся.

— Пришла, — согласился я.

— Ну да. — Он отметил что-то на планшете. — Тут таких, кто платит, когда спросить уже некому, немного.

Скидки он мне не дал. Он просто нашел мой заказ в очереди на два дня раньше, чем тот нашелся бы сам.

Пять тысяч кредитов, отданные человеку, который не смог бы меня отыскать при всем желании, оказались самым выгодным вложением месяца. Я это понимал и все равно чувствовал себя жуликом. Я платил не поэтому.

Ночами, когда Сарра засыпала, я думал.

Забивал водой голову, сказала бы Грета.

О субмарине. О трюме, полном золота, который пролежал в иле неизвестно сколько лет и дождался именно нас. О том, что за два месяца мы четыре раза были в шаге от смерти и четыре раза выходили — на случайности, на чужой ошибке, на моей руке, которая успела раньше, чем я подумал.

Ряд был слишком ровный. Так не ложится ни одна честная колода.

Я пробовал разложить его иначе, и он не раскладывался: о золоте знали двое, я и Сарра, и никто третий не мог его туда положить. Мысль не сходилась и не уходила. Она просто лежала, как тот маячок в кармане куртки, и ждала, когда у меня появится чем ее вскрыть.

Деньги дали свободу. Свободу от долга, от метки, от завтрашнего дня, который еще недавно начинался с вопроса, чем платить за воздух.

Но ответов они не дали.

Не вернули Грету, Арто и Марка. Не сделали Дно ни на палец менее жадным. И не приблизили ни на метр ту единственную вещь, ради которой все это теперь было нужно.

«Рассвет» лежал где-то в темноте, недостроенный, брошенный, и о нем знали четыре человека, из которых трое, возможно, уже умерли.

На четвертый день я пошел к Рорку и сказал, что «Странника» надо разобрать.

* * *

— Целиком? — переспросил Рорк.

Он вытер руки ветошью, не глядя на меня, и это было хуже любого возражения. Рорк за свои годы видел достаточно людей, которые приходили на Верфь с внезапными деньгами и уходили без них.

— До силового набора, — сказал я. — Корму под замену. Не варить в третий раз — резать и ставить новую. Энергосистему всю, от накопителей до трасс. И седьмой сектор вскрыть.

— Седьмой заварен лет тридцать.

— Значит, тридцать лет я вожу с собой запертую кладовку и плачу за нее в тоннаже.

Он посмотрел на меня уже иначе — как мастер на заказчика, который знает, что говорит. Потом взял планшет и начал считать вслух, и я слушал, как из моей жизни вычитают цифры.

Корма и правка силового набора — девяносто пять тысяч. Энергосистема: накопители, распредузлы, кабельные трассы — сто десять. Вскрытие и восстановление седьмого сектора — сорок. Бронепластины по корпусу — тридцать пять. Сканеры дальнего действия — тридцать. Жизнеобеспечение: регенерация, вода, каюты — восемнадцать.

— Итого триста двадцать восемь, — сказал Рорк. — Стапель, док и ваша койка — в счет работ, отдельно за это Верфь при таких деньгах не берет. Три недели, если не будешь мешать. Будешь помогать — то же самое, но выйдет крепче.

Триста двадцать восемь тысяч кредитов.

Восемьдесят две тысячи смен на «Тихой Гавани». Двести с лишним лет работы человека, которым я был два месяца назад.

— Еще одно, — сказал я. — Гидропонный блок в трюме.

Рорк поднял бровь.

— На грузовик?

— На грузовик.

— Двенадцать тысяч, и половина уйдет на лампы. — Он пожал плечами и вписал строку. — Твои деньги.

Триста сорок.

Вечером я открыл счет на импланте и посмотрел на цифру. Пятьсот пятьдесят четыре тысячи восемьсот восемьдесят два кредита. После Рорка останется двести четырнадцать тысяч восемьсот восемьдесят два.

Второй счет, отдельный, на пятьдесят тысяч, я не открывал вовсе. Он был не мой.

— Возьми с моего, — сказала Сарра, когда я назвал ей сумму. — Мне они зачем?

— Незачем, — согласился я. — В том и смысл.

Она хотела спорить, посмотрела на меня и не стала. Эти пятьдесят тысяч были не подарком. Это была дверь, которая открывается изнутри, и я не собирался ее закладывать даже собственным корпусом.

Разбирали «Странника» шесть дней.

Я видел свой корабль голым — без обшивки, без палубного настила, с оголенным силовым набором, похожим на ребра выброшенной на камни рыбы. Смятую корму срезали плазмой и уволокли краном, как падаль. Дважды вареный шов, который держал нас от «Последнего Вздоха» до субмарины, уехал в переплавку, и я смотрел ему вслед.

Седьмой сектор вскрыли на восьмой день.

Внутри не было ничего. Сухая полость в четыре с небольшим квадрата, ржавые крепления под что-то, снятое до Арто, и запах — плотный, застоявшийся, как из закрытой на зиму шахты. Сорок тысяч кредитов за четыре квадратных метра пустоты и право знать, что там пусто.

Я заплатил бы и больше. Мне надоели заваренные двери.

Работали мы сами. Рорк, увидев, что я не путаюсь под ногами, пустил нас в бригаду, и это были лучшие дни за очень долгое время: руки заняты, голова занята, и никто не пытается тебя убить.

С блоком дальнего сканирования вышла заминка. Дорогая штука, способная нащупать аномалию там, где наш старый сонар видел только муть, — но интерфейс настройки был написан на древнем диалекте, и парни Рорка топтались вокруг него второй день.

Я сел к стенду, и словарь под ребрами проснулся сам.

Строки развернулись в смысл — не в перевод, а сразу в смысл, как будто их писали для меня. За глазами привычно заломило. Через сорок минут сенсоры были откалиброваны, а капризная железка работала как надо.

— А ты не промах, парень, — пробасил Рорк, хлопнув меня по плечу тяжелой рукой. — Откуда такие познания в древних языках? Не на «Тихой Гавани» же этому учат.

— Учебники старые попались, — сказал я. — В брошенной мастерской.

Он хмыкнул и не стал спрашивать дальше. На Верфи не спрашивают дальше — это, в общем, и есть главная местная технология.

Броню ставили последней. Рорк достал листы композита, который, по слухам, шел на корабли Базы Ученых: легкий, прочный и капризный в сварке. Листов было ровно на тридцать пять тысяч, то есть на треть корпуса, и надо было решать, какую треть.

Я сказал: рубка, двигательный отсек, грузовой люк. Так учил Арто, так делают все.

— Нет, — сказала Сарра.

Она подошла к раскатанной на столе схеме корпуса и положила ладонь на левый борт.

— В нас стреляли дважды. Оба раза сюда. — Она провела пальцем от миделя к корме. — Патруль зашел слева, и бандиты у жилы били слева, потому что мы уходили правым разворотом. Ты всегда уходишь правым разворотом, Гром. Всегда.

Я открыл рот и закрыл.

Она была права. Я разворачивался вправо, потому что так удобнее сидеть, потому что так делал дядя, потому что это вьелось в руки глубже любого расчета. Тот, кто стрелял в нас, видел мой левый борт. И увидит снова.

— Левый борт и корма, — сказал я Рорку. — Рубка по остатку.

Рорк молча переправил разметку.

Работал я с Клыком, угрюмым сварщиком, который за все дни сказал мне слов пятнадцать, из них десять — о подаче газа. Искры летели веером, шипел металл, воздух горчил озоном, пот тек по спине под тяжелым комбинезоном.

Мы не латали дыры. Мы делали щит.

Гидропонный блок Сарра собирала сама.

Я нашел ее в трюме над разобранной панелью: она паяла контакты и тихо, себе под нос, тянула старую шахтерскую мелодию — ту самую, которую пела Грета, когда бралась за сложный заказ. На секунду мне показалось, что время дало задний ход и мы снова в мастерской на «Гавани».

Она зашарила рукой за спиной, ища ключ.

Я подошел и вложил ей в ладонь нужный. Она подняла глаза, и в них мелькнула короткая благодарная улыбка.

Просить она не стала. Она попросила один раз, три недели назад, на этой же Верфи, когда у нас на счету впервые появились деньги, — и я тогда сказал «сделаем». Больше эта тема не поднималась ни разу. Она просто ждала, будет ли слово словом.

Двенадцать тысяч кредитов за четыре лотка, лампы и насос. Самая бессмысленная покупка в моей жизни и единственная, о которой я не пожалел ни разу.

Маячок я вскрыл на девятнадцатый день, когда стенд освободился.

Черный диск размером с монету пролежал у меня в кармане куртки два месяца — с того дня, как парень из бригады Рорка отодрал его от обшивки у сопла маневрового. Мертвая штука, сказал тогда Рорк. Стандартный «жучок», следят за должниками или за жертвой.

Рорк ошибся.

Под корпусом не было ни батареи, ни памяти, ни передатчика. Там был контур. Простой пассивный контур, который не работает сам и не хранит ничего.

— Отражатель, — сказал я вслух, и Сарра подняла голову от лотков.

— Это плохо?

— Это значит, что он ничего не передавал. — Я повертел диск в пальцах. — Он отвечает. Кто-то посылает запрос — он откликается. Без запроса он просто кусок пластика.

— То есть узнать, кто его поставил, нельзя.

— Нельзя.

Я перевернул диск и посмотрел на крепление. И вот тут стало интересно.

Магнитный захват с плоской прокладкой. Такой держится на гладком — на боку контейнера, на кожухе, на ящике. На сварной шов внешней обшивки его лепить нельзя: сорвет первым же течением. Тот, кто ставил, лепил его не на корабль.

Он метил груз. А груз в тот день оказался на «Страннике».

Я подержал диск на ладони. Раздавить его каблуком было бы приятно и глупо.

— Оставлю, — сказал я. — Пусть отвечает, когда спросят. Я посмотрю, кто спрашивает.

Последними в новый трюм переехали вещи.

Рорк сварил под них нормальные крепления — не веревки и клинья, а гнезда с захватами, чтобы при тряске ничего не летало по отсеку. Я перекладывал наше имущество и заодно считал его, впервые за долгое время не для продажи.

Буровой модуль. Два скафандра, два шлема, четыре баллона. Газоанализаторы с ЗИПом. Ящик «Камнеёда». Инструмент, выкупленный у Тобба весь, до последнего съемника.

Отцовский мультиключ с двумя болтами — в нагрудный.

Разводной ключ Греты, за который Тобб давал четыре кредита, — в гнездо у стойки.

Ключ Арто — в выемку у штурвала, где он лежал всегда.

Плазменного резака Греты в описи не было. Он ушел на «Костяной Риф» с чужим экипажем, и Тобб не взял с меня денег за поиск — сказал, что за это не берут. Единственная вещь старого мира, которую я не смог вернуть за деньги. Список замкнулся на ней и не закрывался.

Тетрадь Теодора и его планшет-журнал я положил в отдельное гнездо, у переборки.

Рядом легла тетрадь Векса.

Я подержал ее в руках дольше, чем нужно. Черный дешевый переплет, ровные столбцы, чужие фамилии, суммы, даты. Улика против человека, которого больше нет, с базы, которой больше нет, для суда, которого на Дне не бывает.

Зачем я ее вожу, я не знал.

Положил в гнездо и защелкнул захват.

* * *

Обед в «Котелке Механика» пахнул перегретым маслом, синтетикой и дешевой водорослью, которую тут жевали все подряд. Мы с Саррой сидели за общим столом и в третий раз перебирали одно и то же: Сайлас, Элиас, Харп, Калус. Четыре имени и ни одного адреса, кроме того, на который мне не хотелось возвращаться.

— ...а он как дал по газам! А Удильщики за ним! Думали, возьмут на абордаж, а у него на корме сюрприз — старая мина, еще атлантских времен! Как жажнуло!..

За соседним столом травили байки. Механики в замасленных комбинезонах перебивали друг друга и стучали кружками.

— Да что твои Удильщики, — махнул рукой один, помоложе. — Вот я слыхал про Ковчеги. Вот где настоящие призраки Дна. Целые города плавают! Тысячи людей!

Старик, к которому он обращался, хмыкнул и отхлебнул из кружки. Седой, морщинистый, с татуировкой в виде перекрещенных ключей на предплечье, один глаз под черной повязкой. Клещ. Я видел его тут почти каждый вечер.

— Ковчеги, — протянул он, и голос у него, обычно скрипучий, сел ниже. — Это не байки, салаги. Это правда. Суровая, как обшивка Купола, и такая же несокрушимая. Не каждый их видел. И не каждый, кто видел, вернулся рассказать.

Он оглядел стол, заметил, что мы слушаем, и криво усмехнулся. Старик умел держать аудиторию.

— Началось давно, — сказал он тише, хотя вокруг гремела столовая. — Когда бароны совсем озверели от жадности, некоторые базы просто отвалились от своих оснований. Как куски ржавой обшивки. Одни говорят — бунт, восстание отчаявшихся, которые решили, что

лучше уйти в никуда, чем гнить под очередным тираном. Другие — что просто потрянуло дно и оторвало, и поминай как звали.

— Но как это — города? — не удержалась Сарра.

— А так. — Клещ стукнул костлявым кулаком по столу. — Это не корабли, девочка. Это махины из оторванных секторов, из промышленных платформ, из целых кусков разрушенных баз. Сваривают, скрепляют, латают чем придется, пока не выйдет что-то, что держится и вмещает тысячи душ. Свои законы. Свой воздух. Своя вода. Сады под лампами, чтобы не жрать вечно эту дрянь. — Он с отвращением покосился на свою тарелку.

— Их бы засекли, — возразил молодой. — Патрули. Торговцы.

— Призраки Дна, вот они кто. Идут во тьме без огней и без сигналов. Захотят — покажутся, не захотят — ищи их, как иголку в куче труб. Администраторы их не видят, потому что нечего записывать. Бароны их боятся до дрожи в коленках, потому что не могут посчитать. — Клещ поднял палец. — Не убить, заметь. Посчитать.

— А живут-то они как? — спросил я.

— Сами. — Старик пожал плечами так, будто это было очевидно. — Воздух из воды, еда из ламп, железо из старого железа. Ничего не выбрасывают, каждый винтик по второму кругу. Ни баронов, ни Культа, ни Атлантов. Нет у них ни богатых, ни бедных — есть те, кто нужен Ковчегу, и те, кто нет.

— А чужаков берут?

— Чужаков не жалуют. — Он хрипло засмеялся. — Подойдешь без спроса — или турели встретят, или он просто растворится во тьме, будто и не было. Торгуют иногда с дальними пограничными базами. Диковины возят: минералы из неисследованных глубин, схемы, говорят, даже карты секторов, которых нет ни в одной лоции. Только цена такая, что даже барон крикнет. И без кредитов. Бартером.

— А куда они плывут? — спросил я. — Цель-то какая?

Клещ долго молчал, глядя сквозь грязную стену «Котелка». В его единственном глазу отражалась лампа.

— А кто ж их знает, парень, — сказал он наконец. — Может, и нет никакой цели. Просто плывут. Как те светящиеся киты в бездне. Дно им не нужно, менять они его не собираются. Они просто существуют отдельно.

За столом стало тихо.

Ковчеги. Дрейфующие Базы. Призраки Дна.

Еще одна сказка для тех, кто устал от безысходности, — или доказательство.

Я думал не о них. Я думал об отце.

С той ночи, как я прочитал в его тетради слово «Рассвет», я держал этот замысел за красивое безумие человека, который не смог смириться. Корабль, который уходит и больше не возвращается. Автономия, свой воздух, своя вода, свои законы, никаких баронов над головой. Я любил эту мысль и не верил в нее ни на кредит — потому что не видел ни одного примера.

А теперь пьяный одноглазый механик в жральне, пропахшей перегаром, буднично рассказывал, что такие примеры есть. Что кто-то уже живет так. Не лучше нас, не праведнее — просто отдельно.

Значит, отец не выдумывал. Значит, это делается.

Клещ мог врать. Скорее всего, он и врал — на две трети, как врут все старики Дна. Но врать можно только про то, что вообще бывает.

Мы возвращались в док поздно, по гулким переходам нижнего яруса, мимо стапелей, где не гасили сварку даже ночью.

«Странник» стоял в боксе, готовый. Новая корма, темные плиты брони по скулам, чистые швы, за которые не стыдно. Три недели и триста сорок тысяч кредитов. Он не стал «Рассветом». Но он больше не был баржей, доживающей свое.

Сарра остановилась у трапа и сказала:

— Лотки я поставила у левого борта. Там тепло от магистрали. Первую зелень получим суток через десять. — Она подумала и добавила: — Хорошо будет. Для нас.

Не «для корабля».

Я открыл рот, чтобы поправить. Я всегда поправлял — так спокойнее: корабль это всего лишь железо, и терять железо я умею.

И не поправил.

Она это услышала. Я это услышал.

Мы оба промолчали и пошли внутрь.

Двадцать четыре дня кончились.

У меня был корабль, которого хватит на любую дорогу, двести четырнадцать тысяч кредитов и четыре имени в отцовской тетради. Оставалось выбрать, с какого начать.

Глава 2. Три тысячи за сеанс

Три тысячи кредитов за сеанс.

Не за минуту — за сеанс. Ты платишь один раз, канал открывается, и сколько он продержится, тебе не скажет никто. Линия на Поверхность идет через цепочку арконитовых ретрансляторов; половина их принадлежит людям, которые берут за железо в чужой воде столько, сколько считают нужным, а вторая половина просто висит с тех времен, когда ее ставили не для нас.

В восемнадцать я копил на такой сеанс год и получил четыре минуты. В прошлый раз получил одиннадцать. Деньги были те же самые.

Дно берет плату за попытку. Результат — по погоде.

Пропуск на выход я оформил на восемнадцать ноль-ноль. До восемнадцати «Странник» стоял в боксе с закрытым нарядом — чистый, тяжелый, чужой на ощупь; я до сих пор промахивался рукой мимо поручня, которого больше не было там, где он висел десять лет. Делать было нечего. Все, что можно закрутить, было закручено.

Я сидел в рубке и смотрел на панель связи.

Раньше это решалось само. Денег не было — вопроса не было. Триста кредитов за письмо копились неделями, и каждое письмо я писал в голове дней десять, прежде чем набрать: переписать отправленное нельзя, а платить второй раз не за что.

Теперь у меня были деньги. Достаточно, чтобы позволить себе не короткое сжатое сообщение, а разговор — лицо, голос, живого человека на том конце.

И оказалось, что это неудобно.

Не дорого — неудобно. Я привык, что связь с сестрой — событие, к которому идут год. А она стала строкой расхода, вроде стоянки или обеда, и я не знал, как звонить человеку просто потому, что можешь. Без повода. Не с известием, не с бедой, не с деньгами. Просто так.

Я просидел перед панелью минут двадцать, придумывая повод, и не придумал ни одного.

— Сарра, — позвал я.

Она была в трюме, у лотков, третий день подряд. Гидропоника занимала ее сильнее, чем броня, энергосистема и все дальние сканеры вместе взятые: она уже дважды переставила лампы и один раз перепаяла таймер полива, который и без нее работал.

— Что?

— Я хочу позвонить Лире. По видео. — Я помолчал. — Хочешь познакомиться?

Она вытерла руки о комбинезон и встала в проеме. Смотрела на меня так, будто я предложил ей выйти в открытую воду без шлема.

— Я?

— Ты.

— Я никогда... — Она запнулась. — Я ее никогда не видела.

— В этом и смысл.

Сарра ушла к себе и вернулась через десять минут — с переплетенным хвостом и в чистой куртке. У человека, который всю жизнь ел серую пасту с крышки ящика, оказалась чистая куртка на такой случай. Я сделал вид, что не заметил.

Код общины «Тихий Камень» лежал в памяти импланта с тех пор, как я в первый раз в жизни за него заплатил. Не ее личный код — у Лиры нет своего кода, и в этом ее счастье, о котором она не знает: наверху ей нечего предъявить сети, а значит, и сети нечего предъявить ей. Общий терминал общины, один на всех, в комнате связи с глиняными стенами.

Я вызвал панель, подтвердил тариф и приложил запястье.

Три тысячи списались сразу.

Двести одиннадцать тысяч восемьсот восемьдесят два.

Я посмотрел на это число дольше, чем нужно. На «Тихой Гавани» я зарабатывал четыре кредита в смену. Семьсот пятьдесят смен — вот сколько стоил один разговор с сестрой; два года работы, если работать без выходных и не есть. Роскошь надо называть роскошью, иначе она незаметно становится привычкой, а привычка стоит уже не денег.

Потом пошло ожидание.

Канал собирается по звеньям, и каждое звено где-то там, наверху, отвечает или не отвечает. На панели шла строка узлов: принято, принято, принято, ждет. Восемь минут я смотрел, как «ждет» стоит на одном и том же узле, и успел решить, что три тысячи ушли в воду.

Сарра села на откидное сиденье у переборки. Встала. Опять села.

— А что ей сказать? — спросила она шепотом, будто нас уже слушали.

— Здравствуйте.

— Гром.

— Она сама все скажет, — сказал я. — Тебе останется вставлять слова.

Экран мигнул. Помехи, серое зерно, размытые контуры.

И Лира.

За ее плечом была деревянная стена и дневной свет — настоящий, не панельный, с той стороны, где бывает погода. От него у меня заслезились глаза, как и в прошлый раз, и я снова не сумел объяснить себе почему.

Ей было двадцать три. Обветренное лицо, волосы под платком, руки в ссадинах и в чем-то темном — не в мазуте, в земле. Худая, но не той худобой, которую я знаю: у нас худеют внутри, а она была сухая и жилистая, как человек, который весь день ходит и носит.

На плече у нее сидела Искра.

Я видел ее впервые. Тритон оказался меньше, чем я представлял по письмам, — с ладонь, не больше, — и на свету по спине у него шла рябь, будто внутри переливалась вода. Он потерся о щеку Лир и уставился в камеру круглым немигающим глазом, и я, взрослый человек, который этим утром закрывал наряд на перестройку корабля, вдруг понял, что смотрю не на сестру.

— Мик? — сказала Лира.

Сигнал шел с задержкой в полсекунды, и первые реплики мы, как и в прошлый раз, растоптали друг другу.

— Привет.

— Ты... Подожди. — Она наклонилась к экрану. — Ты звонишь второй раз за месяц. Что случилось?

— Ничего.

— Мик.

— Ничего не случилось, — сказал я. — У меня есть деньги, есть корабль, и я могу тебе звонить. Вот и все. Повода нет.

Она смотрела на меня несколько секунд. Потом положила руку на стол — ладонью вниз, спокойно, как кладут точку.

— Тогда я сяду, — сказала она.

И села.

Мы говорили о мертвых.

Не сразу. Сначала было про воду, про сезон, про то, что «Странника» перестроили, — но я знал, куда она ведет, потому что вела она туда с первой минуты, а я вел туда с того дня, как в прошлый раз погас экран.

В прошлый раз я сказал ей главное и не сказал ничего.

«Гавани нет. Арто и Грета погибли». Одиннадцать минут, из которых две я просто слушал ее голос, а остальные девять мы говорили о чужаках у шахты — о том, что опасно сейчас, а не о том, что уже случилось. Потом канал упал, и я вышел из кабины с ощущением человека, который сдал груз и не расписался.

Письмо она получила еще раньше. Два месяца назад, четырьмя строками: обвал, весь жилой ярус, Марк, Грета, Стерн, дядя Арто.

Два месяца — достаточно, чтобы горе осело.

Оно и осело. Она не кричала, не плакала и не спрашивала, как же так. Она спрашивала подробности — ровным голосом, каким читают опись.

— Дядя Арто, — сказала она. — Он сразу?

— Нет.

— Он что-нибудь говорил?

Вот тут я и споткнулся во второй раз за месяц.

Потому что говорил. Он говорил ровно и по делу, как объявляют начало смены, и я держал это в себе три месяца, потому что в прошлый раз посчитал, что ей будет легче без подробностей. Всем всегда кажется, что другим будет легче без подробностей. Удобное вранье: подробности тяжело нести не тому, кто слушает, а тому, кто рассказывает.

— Он попросил сделать по-людски, — сказал я. — На Дне есть обряд. Когда человек уходит, он называет себя и говорит, что уходит, никому не должный. Свидетель повторяет за ним. Иначе Дно решит, что он украл.

— Украл что?

— Свою жизнь.

Ли́ра молчала.

— Он сказал: «Последняя сделка. Артоломей Крест, механик. Дно свидетель: ухожу, никому не должный». — Голос у меня сел, и я переждал. — Я повторил. Потом он отдал ключ. Потом велел беречь сестру.

— Меня?

— У меня одна сестра.

Она отвернулась от камеры — не в сторону, а вниз, к столу, и Искра переступила лапами у нее на плече. Секунд десять я смотрел на макушку в платке и на деревянную стену за ней.

— Хорошо, — сказала она наконец, подняв голову. Глаза были сухие. — Хорошо, что успел. Он ведь всю жизнь боялся остаться должным.

Про это я не знал. Я знал Арто механиком, который двадцать лет следил за чужим кораблем и не взял с меня ни кредита за инструмент. Что он чего-то боялся, я не знал — а моя младшая сестра, видевшая его последний раз в три года и потом только читавшая его письма, знала.

— А Грета? — спросила она. — Какая она была?

— Злая, — сказал я. — Она была очень злая, и это было хорошо. Пока она на тебя орет, ты еще жив и ей есть на кого орать.

— Она мне писала два раза. Я тебе не говорила.

— Я знаю.

— От нее пахло горелым, да? По письмам казалось, что пахло.

— Пахло, — сказал я. — Флюсом и горелым.

Я рассказал ей про резак. Что у Греты был плазменный резак старой серии, тяжелый, с меняным соплом, и что я выкупил у скупщика все наши вещи до последнего съемника, а резак не успел: его уже забрал чужой экипаж и увез на базу, которая называется «Костяной Риф». И что скупщик не взял с меня денег за поиск, потому что за такое, сказал он, не берут.

— Значит, ты за ним поедешь, — сказала Ли́ра.

— Мне туда и так надо.

— Мик.

— Да, — сказал я. — Поеду.

Она кивнула так, будто закрыла строку в своей описи, и посмотрела мимо меня, в сторону.

— У тебя там кто-то стоит.

Сарра сидела на откидном сиденье, вне кадра, и все это время не шевелилась. Услышав, она встала так резко, что сиденье хлопнуло.

— Это Сарра, — сказал я и подвинулся. — Сарра, это моя сестра Лира. Лира, это Сарра. Мой... напарник.

Слово вышло кривое. Я услышал, как оно вышло.

Сарра шагнула в кадр и остановилась на границе света от панели, теребя край куртки.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Ой, нет, — сказала Лира. — Не надо «здравствуйте». Мне двадцать три.

— Мне двадцать один.

— Тем более.

И все. Больше ничего не понадобилось.

— Спасибо, — сказала Лира. — Что не бросила его. У него это на лице написано: он из тех, кого удобно бросать. Сам довезет, сам вытащит, сам виноват.

Сарра посмотрела на меня. Потом на экран.

— Мы вместе, — сказала она.

* * *

Дальше я почти не говорил.

Я слушал, как моя сестра рассказывает про свою жизнь женщине, которую видит первый раз, — и понял, что за десять лет писем не знал об этой жизни ничего.

Письмо стоит триста кредитов и укладывается в пятнадцать строк. В пятнадцать строк помещается «вода горчит, но пить можно», «сыпь у детей сошла», «за меня в этом сезоне зачли работой». Это не жизнь. Это накладная.

А тут ее спросили, как устроен сад, и накладная развернулась.

«Тихий Камень» — сорок с чем-то дворов на каменной террасе, наполовину рептилоиды, наполовину люди, и людей меньше. Решают старшие, и решают долго: рептилоиды вообще все делают медленно и терпеть не могут, когда торопят. Новому не дают ни земли, ни дома — дают работу и смотрят два года. Лире дали молодняк.

Молодняк — это шесть ящерят, потом стало девять, потом снова шесть, потому что троих забрали в Долину по обмену. Их кормят четыре раза в сутки, держат в тепле и не дают спать в куче, иначе нижние задыхаются. За это ей засчитывают сезонный взнос, дают угол при террариуме и право брать из общего котла.

Сад под сеткой — от птиц. Сетка старая, ее чинят каждый сезон. В саду растет то, что едят, и то, что меняют: корнеплоды, две грядки зерна, кусты, которые она назвала, а я не запомнил. Воду носят от новой скважины: четыреста шагов вниз и четыреста вверх, по два ведра.

В Долину ходят на обмен дважды за сезон, пешком, полтора дня. Несут шкурки, ящерят и сушеное, приносят соль, гвозди, ткань и иногда инструмент. Кредитов там нет. Кредиты там вообще никому не нужны, и когда я это услышал, у меня что-то повернулось внутри: я двадцать пять лет живу в мире, где нет ничего, кроме кредитов, а в полутора днях ходьбы от моей сестры за железо дают соль.

Мала не встает. Кашляет, лежит, узнает не всех. Лира ходит к ней через двор утром и вечером, поит и переворачивает, и говорит об этом так же ровно, как о ведрах: это работа, и она ее делает.

А Искра ловит светящихся жуков.

Приносит их в террариум живыми — придавит, но не убьет, — и они там сидят и светятся, и по ночам весь угол Лире мерцает зеленым, как приборная панель. Соседи считают, что тритон дурной. Лира считает, что он запасливый.

— Он их не ест, — сказала она. — Он их собирает. У него там уже штук тридцать.

— Зачем? — спросила Сарра.

— А кто ж его знает. Может, ему нравится, когда светло.

Сарра засмеялась. Я не помнил, когда слышал это в последний раз.

Потом они полчаса говорили о рассаде.

Я не преувеличиваю: полчаса. Сарра спросила, что делать, если лотки стоят у теплой магистрали и корень идет вверх, а не вниз. Лира спросила, какая у нас лампа и на сколько часов. Сарра сказала — двенадцать. Лира сказала, что двенадцать много, надо девять, иначе вытянется и ляжет. Потом они выясняли, как поливать в тряске, потому что у Лир трясет от ветра, а у нас от хода, и разницы, как оказалось, никакой.

Я сидел сбоку и слушал, как две женщины через блокаду, через всю толщу воды и половину чужих ретрансляторов обсуждают, почему ложится рассада.

Мы всю жизнь ели пасту, потому что зелень — роскошь. У Лир зелень — работа. Между нами лежит все Дно, и разница в одном: у нее еда растет, а у нас покупается.

— Пришли мне семян, — сказала Сарра и тут же осеклась. — Нет. Нельзя же.

— Нельзя, — сказала Лира. — Наверх ничего, вниз ничего. Только слова.

Она сказала это буднично, без обиды. Так говорят про погоду.

А потом сказала:

— Мик, я про то место.

Я выпрямился.

— Я же просил не по каналу.

— Я и не буду. Я только... — Она посмотрела куда-то за камеру и понизила голос, хотя понижать его смысла не было: если тебя слушают на ретрансляторе, можешь хоть шептать. — Там была тетрадь. Отцовская. Он писал все эти годы, Мик. Все десять лет, целая тетрадь, толстая. Я нашла, где он ее держал.

— Что в ней?

— В том и дело. — Она усмехнулась криво, совсем как я. — Она зашифрована. Вся. Кроме начала — начало обычное, про то, как мы уезжали, про мать, про ногу, ну, ты знаешь. Начало я разобрала, там ничего такого, ты все это и сам знаешь. А дальше идет шифр, и я третий месяц...

Экран застыл.

Кадр остановился на ее лице с полуоткрытым ртом, звук ушел вперед и рассыпался в шипение, потом вернулся с середины слова, потом снова пропал. На панели строка узлов моргнула: ждет.

— ...и поэтому я не буду об этом здесь, — сказала Лира, когда картинка пошла снова.

— Ты пропала. Повтори.

— Не буду повторять. — Она улыбнулась. — Потом. Не по каналу.

— Лира.

— Мик, ты сам мне это написал. Своей рукой. «Про место в письмах вообще не пиши, дожидись меня». Вот я и дождаюсь.

Крыть было нечем.

Я сам ей это написал — в тот день, когда у меня было восемь кредитов и ни одного шанса, и я боялся, что она напишет лишнее в общий терминал, который читает вся община и половина Поверхности. Теперь у меня был корабль и двести тысяч, и моя собственная осторожность вернулась ко мне тем самым концом, каким возвращается все, что даешь.

К тому же она только что полчаса говорила о мертвых.

Человек, который два месяца носит в себе похороны, обрывает себя на середине фразы просто потому, что фраза ведет к отцу. Это я знал по себе: я и сам в тот вечер не смог договорить про Грету и свернул на резак — потому что про резак можно, а про Грету нельзя.

Так я это и объяснил.

Объяснение было хорошее. Настолько хорошее, что к тетради я за весь оставшийся сеанс не вернулся ни разу.

* * *

— А вообще, — сказала Лира, — вы хорошая пара.

Сарра что-то уронила в трюме. Не в кадре — просто уронила, судя по звуку, ключ на решетку.

Я закашлялся.

— Мы напарники, — сказал я.

— Ну да, конечно, — сказала Лира. — Напарники. Она у тебя ставит лампы на девять часов, а ты сидишь и слушаешь про рассадку с таким лицом, будто тебе докладывают о реакторе.

— Это и есть реактор. У нас там четыре лотка.

— Ага. — Она подмигнула.

Месяц назад я отбил бы это легко. Месяц назад между мной и Саррой стояло слово «напарник», крепкое и удобное, как переборка: за ним можно спать, работать и не думать. А вчера у трапа она сказала «для нас» вместо «для корабля», и я не поправил.

Переборку не сносили. Просто выяснилось, что в ней есть дверь и что она не заперта, и мы оба это видим и оба молчим.

Поэтому подколка сестры попала не в пустое место, а точно в шов. Мне стало жарко, как мальчишке, а Сарра из трюма так и не вышла до конца разговора, и оба мы понимали почему.

Лира смотрела на меня и веселилась. Ей было двадцать три, она мыла старуху и таскала воду по восьмьсот шагов, и веселилась она сейчас за все то, чего у нее не было.

Пусть.

— «Странник» перестроен, — сказал я. — Корма новая, энергосистема новая, броня, дальние сканеры. Он теперь дойдет куда угодно.

— И ты пойдешь искать корабль отца, — сказала она. Уже без улыбки.

— Да.

— Ты правда думаешь, что найдешь? — Она помолчала. — И что он вам поможет?

— Не знаю, — сказал я. — Но кроме него у меня ничего нет. Я его найду.

— А ко мне?

Вот об этом я и молчал весь сеанс.

Потому что деньги у меня были, а дороги не было. Между нами лежала не вода и не цена топлива, а патрули, санитарный контур и сфера с шестью дронами, которая однажды прочитала мой имплант и не смогла. Купить у Дна можно все, кроме неба, — я сказал ей это месяц назад и с тех пор ничего к этому не добавил.

— Найду путь, — сказал я. — Обещаю.

— Ты это уже обещал.

— Обещаю второй раз.

Второе обещание стоит дешевле первого. Мы оба это слышали и оба сделали вид, что нет.

— Куртка лежит, — сказала она. — Я ее перетряхиваю раз в сезон, чтобы моль не съела.

— Пусть лежит.

— Через неделю позвонишь?

— Позвоню, — сказал я.

Сказал легко. Три тысячи кредитов больше не были годом жизни — они были строкой расхода, а строк расхода у меня в тот день оставалось двести одиннадцать тысяч. Люди с деньгами обещают быстро: деньги отвечают за обещание вместо них.

— Через неделю, — повторил я.

— Тогда я в комнате связи буду сидеть, — сказала Лира. — Смотри, чтоб не зря.

Экран погас.

* * *

В рубке стало очень тихо.

Так тихо бывает только на стоянке, когда двигатели молчат, а вода за бортом стоит: слышно, как работает вентиляция и как в трюме капает из шланга, который Сарра третий день собиралась подтянуть.

Она вышла, села на откидное сиденье и некоторое время смотрела в темный экран.

— Она очень хорошая, — сказала Сарра. — Твоя сестра.

— Да.

— И совсем на тебя не похожа.

— Она похожа на мать, — сказал я. — Я, по-моему, тоже, но с той стороны, с которой лучше не надо.

Сарра усмехнулась. Потом перестала.

— Гром. Она не договорила.

— Связь упала.

— Нет. — Сарра повернулась ко мне. — Связь упала после. Сначала она замолчала, а потом уже упала связь. Я на нее смотрела.

— Она второй раз за вечер хоронила отца, — сказал я. — Мы полчаса говорили про Арто и Грету. Я бы тоже замолчал.

— Может быть.

Она сказала это ровно тем голосом, каким говорила «слишком удачно» перед Йота-12. И я, как и тогда, отложил ее слова в тот же ящик, где у меня лежит все, что не сходится, но пока не мешает.

Ящик, надо сказать, начинал переполняться.

В восемнадцать ноль-ноль я подтвердил наряд, и Администратор «Горла Машины» выпустил нас в третий шлюз без единого вопроса — потому что вопросов у него ко мне не было. Тоннаж записан, мастер записан, сбор уплачен, механик второй ступени такой-то выходит на своем корпусе. За двадцать лет на Дне это был первый раз, когда я уходил с базы через парадную дверь, по документам, и меня никто не искал.

Рорк стоял у крана и смотрел, как нас выводят на стапельный ход. Прощаться не подошел — только поднял руку и опустил.

Огни Верфи держались за кормой минут сорок, потом стали одной точкой, потом ушли.

Я вел «Странника» на курс и думал не о курсе.

Канал в тот вечер просел ровно один раз — на середине ее фразы. За такие совпадения на Дне не платят сразу.

Платят потом.

Глава 3. Даром

Первую ночь в открытой воде я не спал.

Каюта была новая — переборка еще пахла тем, чем пахнет свежая изоляция, и звук хода шел не так, как десять лет: ниже, ровнее, без дребезга в третьей шпации. Сарра спала, отвернувшись к стене, и дышала спокойно. Разговор с Лирой снял с нее что-то, чего я в ней раньше не замечал, потому что оно было всегда.

А я лежал и слушал чужой ровный звук своего корабля.

Потом встал, дошел до гнезда у переборки и достал тетрадь.

Отцовский почерк я знал теперь лучше, чем его лицо. Лицо у меня осталось от пятилетнего: большой человек, руки, свет сверху. А почерк был вот он — мелкий, злой к концу строки, с завалом вправо, будто человек все время торопился дописать до того, как войдут.

Словарь под ребрами разворачивал древние символы сам, без усилия. Отец мешал их в текст там, где не хотел, чтобы понял случайный читатель: технический термин, дата, имя. Год назад я бы уперся в эти места лбом. Теперь читал их так же, как все остальное, и от этого записи стали хуже. Тайнопись хотя бы дает передышку.

Я искал не «Рассвет». Про «Рассвет» я вычитал все, что там было, еще в первую неделю. Я искал людей.

Четверых, которым он доверял настолько, чтобы записать их имена своей рукой.

Сайлас.

«...Сайлас снова провернул невероятную сделку. Достал партию редких кристаллов для навигации — буквально вытащил из кармана у какой-то шайки. Прохиндей, каких свет не видывал. Методы всегда на грани, а чаще за гранью. Но он добивается результата, и его умение доставать невозможное — бесценно. Доверять ему полностью нельзя: его лояльность измеряется в кредитах. Пока наши интересы совпадают — он на моей стороне. Держать на коротком поводке и всегда иметь план Б».

Я перечитал это дважды.

Двадцать лет спустя тот же человек сидел напротив меня в мастерской на «Последнем Вздохе», улыбался маслянистой улыбкой, наливал чай и сдавал нас патрулю через посредника, а потом списал четыре тысячи «в память отца». Портрет сходил до последнего мазка. Отец описал его точно.

И вот тут была ловушка, в которую я чуть не сел.

Если один портрет из четырех подтвержден жизнью, человек невольно считает подтвержденными и остальные три. Так не работает. Сайлас с тех пор не изменился, потому что таким людям меняться незачем — их способ жить кормит. А про остальных троих у меня были четыре страницы чужого почерка и ни одного живого свидетеля.

Капитан Харп.

Его отец упоминал реже и всегда с уважением. Наемный капитан на грязные рейсы: провести груз там, где груз не проведешь. Однажды патруль Бароната Кербера прижал их и потребовал сдать трюм. Харп не стал договариваться — пошел на таран, разворотил флагману борт и увел корабль в каньон, куда тяжелые баржи не лезли. Обшивка, маневровый двигатель и весь сектор в розыске — против груза.

«Он всегда выбирает силовой метод, — писал отец. — Рискованно, грутально, но это работает. Сказал — сделал. Таких мало. Только иногда мне кажется, что он готов разнести полбазы, чтобы вкрутить один неподдающийся болт. С ним нужно быть осторожнее в формулировках: он понимает буквально».

Где искать — не сказано. Люди такой породы либо давно лежат на дне каньона, либо становятся байкой, которую травят в жральнях. Второе давало шанс: байку можно поймать за хвост.

Элиас.

Инженер. О нем отец писал иначе, чем обо всех, — с осторожным восторгом человека, который не до конца понимает собеседника и знает это. Резонанс арконита с остаточным полем ядра базы, энергия из нестабильных источников, схемы, которые «логичны и изящны». Элиас почти не говорил. Он чертил.

Одна строка стояла отдельно, и я вернулся к ней трижды.

«...однажды видел у него кристалл данных, очень похожий на те, что в ходу у Ученых с их Базы. Сказал — старая семейная реликвия. Взгляд у него при этом был слишком спокойный. Не удивлюсь, если он с ними в прямом контакте. Если так — он играет с огнем: эти не делятся и не прощают».

База Ученых на Дне — такая же сказка, как Ковчеги. Разница в том, что про Ковчеги мне позавчера рассказывал живой одноглазый механик, а про Ученых не рассказывал никто.

Калус.

Последнее имя, и отец писал о нем так, как о живых не пишут.

«...Калус — наверное, самый честный человек, которого я встречал на Дне. Неподкупный, принципиальный, признает только прямое. Идеальный начальник охраны. Но такие здесь долго не живут: или ломаются, или их ломают. В нашем змеином гнезде он — как белая рыба. Я доверяю ему как себе, и именно ему поручил самое ценное: где стоит ангар. Он сохранит это, чего бы ни стоило. Горас его ненавидит и видит в нем угрозу. Я уговариваю его быть гибче. Он усмехается и говорит, что лучше умереть стоя. Боюсь, ему дадут это доказать».

Дали, конечно. После переворота такого человека убирают первым — не за опасность, а за неудобство.

Я закрыл тетрадь и некоторое время сидел с ней на коленях.

Потому что заметил, наконец, то, что лежало на виду все эти недели.

В каждой записи отец взвешивает пользу. «Умение доставать невозможное — бесценно». «Это работает». «Без его гения „Рассвет“ останется мечтой». Он вел не дневник, он вел опись: четыре инструмента, у каждого паспорт, допуск и предел прочности. Так пишет хороший мастер о хорошем оборудовании, и я двадцать лет учился думать ровно так же, потому что иначе на Дне не выживают.

И только про Калуса он не написал, чем тот полезен.

Про Калуса он написал, что доверяет ему как себе, — и отдал ему единственное, что стоило чьей-нибудь жизни. Человека, которого он, похоже, любил, он назначил хранителем тайны, и тайна его сожрала. Отец сам это предвидел, записал заранее и все равно сделал.

Я сидел в новой каюте, построенной на золото из чужого трюма, и думал, что мне еще придется выбрать, чей я сын. Пока выходило, что тот, который считает пользу.

Имя Калуса тянуло за собой что-то еще, и я не сразу понял что.

Сады.

Внутренние сады баронского уровня на «Последнем Вздохе»: три яруса лотков под белыми лампами, влажная земля, теплый воздух, от которого щиплет в носу. Меня туда приводили, когда отец с кем-нибудь разговаривал, и оставляли на дорожке, как оставляют инструмент, чтобы не мешался.

И там был мальчик.

Меньше меня, в серой куртке не по росту. Я лазил через лотки, потому что через них короче, и один раз потащил его за собой. Он уперся и заревел. Не от страха — я хорошо помню, что не от страха, потому что сразу после этого он снова встал на дорожку и пошел по ней до конца, весь длинный путь, хотя это было вдвое дольше.

Мне было пять. Ему, выходит, года два.

Двухлетние не рассуждают о следах. Все, что я приписываю ему сейчас, я дописал сам — позже, когда узнал, кем был его отец и чем все кончилось; память на Дне подрабатывает подделками и подделывает всегда в ту сторону, которая тебе сегодня нужна.

Но дорожку я помню точно. С дорожки он не сошел.

Звали его Рейд.

Сын начальника охраны моего отца.

Если Калус кому-то и успел что-нибудь передать перед смертью, то не в архив и не в тайник. Такие люди передают в руки. А руки у него были одни.

Я убрал тетрадь в гнездо и защелкнул захват.

Все четыре следа вели на «Последний Вздох» — и это была самая лживая мысль за ночь. На «Вздохе» их нет уже двадцать лет. На «Вздохе» есть Горас, который недавно получил с меня пятьдесят тысяч и остался при мнении, что я ему все еще интересен. Возвращаться туда, чтобы поспрашивать в доках, не видел ли кто старого капитана по имени Харп, — это не поиск. Это явка.

Оставался один способ узнать про людей отца, не суясь в дом Гораса.

Позвонить единственному из четверых, чей контакт лежал у меня в импланте.

* * *

Утром Сарра сидела за столом в каюте и проверяла заряды резаков.

Двух. Третьего, тяжелого, с меняным соплом, у нас не было и в описи не значилось. Она разложила оба на тряпку, снимала показания и записывала прямо на тряпке карандашом, потому что так делала Грета, а Сарра переняла это, ни разу не спросив зачем.

— Куда идем, капитан? — спросила она, не поднимая головы. — Вторые сутки идем в общем направлении «куда-то туда».

— К Харпу.

— Отлично. Где он?

— Не знаю.

Она подняла голову.

Я сел напротив и выложил все, как раскладывают детали перед сборкой. Администратор — слепая лотерея, мы в нее сыграли дважды и оба раза заплатили; больше не играем. Значит — люди. Люди отца: Харп, Элиас, Калус, Сайлас. Трое без адреса и один с адресом.

— Сайлас, — сказала Сарра. Не вопросом.

— Сайлас.

— Гром. — Она отложила карандаш. — После патруля. После того, как нас взяли с грузом ровно там, где он сказал идти, и ровно тогда, когда он сказал идти. Ты снова хочешь стучаться в эту дверь?

— Я хочу посмотреть, кто откроет.

— Он списал нам четыре тысячи, — сказала она. — Помнишь, что нам тогда сказал докер в очереди у весовой? Трещина, что растет. Дал даром — заберет все, рано или поздно. Ты сам мне это потом повторил.

Повторил. И полтора месяца с этим жил.

— Помню, — сказал я. — Слушай внимательно. Я скажу вслух то, что кручу с самой Верфи, и мне надо, чтобы ты это слышала.

Она сложила руки.

— Шахтер в «Якоре Усталости» продал мне координаты жилы за триста кредитов, — сказал я. — Жила оказалась настоящей. На выходе нас ждал катер Черного Ската — точно и вовремя. Потом Администратор продал мне «честную лотерею», и в лотерее оказался живой

арконит. Потом я купил вылизанный дочиста лот, а в полукилометре от него, за границей оплаченного квадрата, лежала субмарина с восемью тоннами золота.

— Я там была, — сказала Сарра тихо.

— Ты там была. — Я кивнул. — Так вот, я механик. Я всю жизнь смотрю, как ложатся детали. Этот ряд лег слишком ровно. Ни одна честная колода так не ложится.

— Ты думаешь, это он?

— Я думаю, что должен думать, что это он, — сказал я. — И не могу. Схема не сходится в одном месте, и это место я не могу обойти уже месяц. О золоте знали двое: ты и я. Мы не сказали никому — ни Рорку, ни Барту, ни Лире. Сайлас не мог знать. Он ушел со «Вздоха» раньше, чем мы вышли на лот, и он до сих пор не знает, что у меня на счету двести тысяч.

— Или знает и молчит.

— Или знает и молчит, — согласился я. — Вот это я и хочу проверить.

Я объяснил как. Я не буду просить помощи и не скажу ни слова про деньги. Я спрошу про людей отца — то, что он сам обещал разузнать еще на «Вздохе». Если Сайлас в курсе, кем я стал, он не удержится. Такие не могут не показать, что знают: знание — их единственный товар, и они выкладывают его на прилавок раньше, чем сообразят.

Сарра думала долго. Потом сказала:

— Хорошо. С одним условием.

— Каким?

— Пиши разговор. Целиком, с первой секунды.

— Зачем?

— Затем, — сказала она, — что через неделю ты будешь вспоминать, что он сказал, а вспомнишь то, что хотел услышать. Все так делают. Я так делала про родителей пять лет.

Крыть, как и вчера, было нечем.

Я поставил запись на планшет, вывел канал в рубку и вызвал контакт.

Звонок по Дну не стоит ничего. Три тысячи берут за небо — за цепочку арконитовых ретрансляторов, которая тянется вверх сквозь блокаду; здесь, внизу, сигнал идет по чужим баронским узлам и стоит столько, что этого не считают. Дно дорого продает только то, чего у тебя нет.

Гудки шли долго. Я успел решить, что он не ответит.

Потом соединение встало — и вместо лица на экране появилась строка: «Аудиосвязь. Видеосигнал отсутствует или заблокирован абонентом».

— Сайлас. Это Гром. Майкл Крест.

— Крест?! Какого... — Голос был рваный, с одышкой, но его. — Парень, ты не вовремя! Совсем не вовремя! Я тут немного занят!

За ним шел звук, которого я не слышал никогда.

Кинетика. Не плазма — сухие резкие хлопки, по два-три подряд, с той характерной паузой, когда меняют магазин. Лязг металла по металлу, будто в пустом отсеке роняют трубы. Далекий грохот, от которого микрофон захлебывался и возвращался с задержкой. И поверх всего — вой. Не сирена. Не человек. Что-то тянущее на одной ноте, и от этой ноты у меня встали волосы на затылке.

— Сайлас, что у тебя?

— Деловые разногласия! — заорал он. — Обычная практика на некоторых специфических базах! Чего хотел? Быстро! У меня тут клиенты нетерпеливые!

— Люди отца, — сказал я. — Харп, Элиас, Калус. Ты обещал узнать.

Он засмеялся. В том положении, в котором он был, он нашел секунду, чтобы засмеяться, и это единственное, что я потом мог сказать о нем точно.

— Харп! Старый морской волк! — Пауза, грохот, ругань. — Есть по нему! Осел на «Костяном Рифе»! Держит катер и мастерскую, изображает честного механика, старый хрыч! Держи!

На имплант упал короткий файл. Я даже не успел удивиться, что он отдал его сразу.

— Только учти, парень: «Риф» — это не Верфь! Там законов нет! Совсем! Так что если сунешься...

Он не договорил.

Грохнуло так, что канал провалился в шипение и вернулся уже другим — ближе, теснее, с эхом узкого помещения.

— Рикки! Прикрой! Лезут со всех щелей! — Это было сказано не мне. — Все, Крест, некогда! Харпа ищи на «Рифе»! А про остальных... Элиас, Калус... я попробую... если выберусь...

Короткий вскрик. Звук удара — тупой, не металлический. Еще один выстрел, совсем рядом с микрофоном.

И тишина.

Связь оборвалась.

Я сидел перед погасшей панелью и смотрел, как планшет дописывает файл и закрывает его. Одиннадцать секунд после обрыва он все еще писал — пустоту.

— Он жив? — спросила Сарра.

— Не знаю.

Я вызвал контакт еще раз. Абонент недоступен. Еще раз. Абонент недоступен. На третьем я остановился, потому что четвертый был бы уже не проверкой, а суеверием.

Запись мы прослушали дважды.

Ничего. Ни одного слова о месте. Ни одного имени, кроме одного.

— Рикки, — сказала Сарра. — Тот парень из мастерской. Тощий, злой, который клапаны перебирал.

— Он самый.

Рикки был должником Сайласа — таким же, каким был я, только его долг не имел ни дна, ни срока. Он таскал наши ящики, шарахнулся от нас в проходе, когда мы сидели на мели, и улетел со «Вздоха» вместе с хозяином. Теперь он стрелял. Люди, которых Сайлас держит за горло, стоят с ним в одном отсеке и прикрывают ему спину — это все, что я узнал о том бое, и больше не узнал никогда.

— Он не спросил про деньги, — сказала Сарра.

Я поднял голову.

— Что?

— Сайлас. — Она смотрела в переборку. — Он ни разу не спросил, чем ты заплатишь. Отдал координаты даром. Второй раз даром, Гром.

Трещина, что растет.

Я и сам это слышал — и сам себе объяснил: человеку под выстрелами не до торга, он швырнул первое, что вспомнил, чтобы отвязаться. Объяснение было хорошее, как все мои объяснения последнего времени.

Но проверка, которую я так аккуратно выстроил, дала обратный результат, и в этом была вся штука.

Я шел смотреть, знает ли он о золоте. Вместо этого я услышал, как в человека, который по моей стройной схеме дергает за все нитки на Дне, стреляют посреди разговора. Того, кто ведет игру, не убивают между двумя фразами. У кукловода не бывает одышки.

Значит, он не кукловод.

Значит, ряд лег ровно сам по себе, а я месяц ищу руку там, где ее нет.

Я честно попробовал в это поверить и не смог. Подозрение не ушло — оно потеряло форму. Раньше у меня была версия, а версию можно проверять. Теперь остались ровный ряд удач, оборванный вскрик и файл координат от человека, которого, возможно, убили сразу после того, как он мне его отдал.

Файл я открыл. Координаты вели в дальний сектор, где карты кончались: белое поле, две пометки «не исследовано» и одна — «повышенная опасность».

— Туда? — спросила Сарра. — Гром, это же логово.

— Туда, — сказал я. — Тобб говорил, резак Греты ушел на «Костяной Риф». Теперь Сайлас говорит, что там же сидит Харп. Слишком ровно, да?

— Да.

— Нет. — Я покачал головой. — На «Риф» уходит краденое с трети сектора, потому что там не спрашивают, чье. Это не совпадение, это адрес по умолчанию. И Харп осел там ровно потому же, почему туда везут краденое: там не спрашивают.

Иногда деталь просто ложится на место. Учиться отличать это от чужой руки мне предстояло еще долго.

Я проложил курс.

* * *

Четверо суток.

Мы шли на две трети хода, и не потому, что берегли топливо. Карт в этом секторе не было. Были белые пятна с чужими пометками, поставленными неизвестно когда и неизвестно кем, а такая пометка на Дне означает, что кто-то один раз туда сходил и не вернулся рассказать подробности.

Тридцать тысяч кредитов, отданные за блок дальнего сканирования, отработали себя на вторые сутки.

Старый сонар «Странника» показывал муть и в мути — эхо. Новый выдавал структуру: где скала, где пустота за скалой, где течение несет взвесь, а где взвесь стоит, потому что ее что-то держит. Дважды мы обошли стороной то, что я не смог опознать, и оба раза я был рад, что не смог издали.

Сарра сидела в правом кресле и вела вахту наравне со мной. Модуль пилотирования перестал быть в ней чужой деталью — это было заметно по мелочи: она уже не смотрела на приборы, она смотрела сквозь них.

На третьи сутки я снова открыл файл — не координаты, а служебную обертку.

— Ты это читаешь, — сказал я, развернув к ней планшет. — Файл собрал терминал на базе, которую мы с тобой в глаза не видели. Свой жаргон, свои сокращения, может, вообще другой конец Дна. А мы читаем и не спотыкаемся.

— Язык общий, — пожала плечами Сарра. — Как воздух.

— Воздух не общий. За воздух платят.

Я постучал по запястью, где под кожей лежал имплант. Отец учил древние диалекты годами — целые страницы упражнений в тетради. А мне вживили модуль, и я стал читать. Если в эту штуку можно доложить словарь Атлантов, значит, словарь там уже стоял: базовый, который мы получаем при рождении вместе с кодом и не замечаем всю жизнь, потому что он работает без спроса.

— Зачем? — спросила Сарра.

— Чтобы мы могли работать. Любой из нас, на любой базе, у любого пульта, собранного кем угодно. Чини, читай инструкцию, понимай приказ. Универсальный работник. — Я помолчал. — Универсальный раб.

— Значит, все, что я слышу, — сказала она наконец, — это перевод?

— Не все. Жargon бандитов на «Страннике» мы поняли не весь, помнишь? Значит, есть что-то, чего фильтр не берет. Может, как раз то, что придумали здесь, внизу, сами.

— Пусть будет так, — сказала Сарра.

Мысль была из тех, что не припадают в работе и остаются насовсем: я смотрю на мир через стекло, вставленное мне в голову раньше, чем я научился говорить. Что через это стекло смотрят и в обратную сторону, я узнал позже, на «Тихой Заводи».

Сигнал поймала она.

— Гром. Справа по курсу, внизу. Аварийный маяк.

Я вывел на большой экран. Слабая точка на дне глубокой расщелины, на пределе новых сканеров, — стандартный аварийный маяк, работающий от последнего накопителя. Сектор считался необитаемым.

Мы подошли к устью каньона и легли в дрейф.

Стены отвесные, изрезанные, видимость почти никакая. На дне, заваленный породой и наполовину ушедший в ил, лежал на боку маленький разведывательный катер — из тех, на которых ходят одиночки-старатели. Один двигатель был разворочен. Маяк на рубке мигал через раз.

Я вызвал их на общей частоте.

Ответили не сразу и еле слышно: трое на борту, вторые сутки, раненых нет, системы почти на нуле, замерзают. Наткнулись на что-то в темноте — на аномалию или на тварь, сами не поняли. И топлива нет совсем.

— Контейнер... хотя бы один... — сказал голос. — Мы заплатим... как только выберемся...

Я закрыл микрофон.

У нас было шесть контейнеров. Переход до «Рифа» и обратно с запасом на дурость. Топливо на Дне идет сразу за воздухом и водой, и ни закон, ни обычай, ни совесть не обязывают тебя делиться им в пустом секторе с людьми, которых ты никогда не видел.

— Нет, — сказала Сарра. Тихо и твердо.

— Говори.

— Мы не знаем, кто они. — Она загибала пальцы, как делают, когда боятся, что перебьют. — Маяк можно включить и на исправном катере. Голос можно сделать слабым. Клещ рассказывал про Удильщиков, которые так и работают: сидят на маршруте и ждут добрых. Ты выйдешь в воду с контейнером в руках, один, в узком каньоне, где мы не сможем развернуться. — Она посмотрела на меня. — И ты сам мне говорил про трещину. Дал даром — заберут все.

— Про трещину — это когда даром дают тебе, — сказал я.

— А в обратную сторону разве не работает?

Хороший вопрос. Я не знал ответа тогда, не знаю и сейчас.

— Там трое, — сказал я. — Вторые сутки в холоде, на остатке воздуха. Мы с тобой сидели на четырех кредитах, и нас никто не искал.

— Нас и не спасали.

— Вот именно.

Сарра отвернулась к иллюминатору. Плечи у нее стояли, как перед ударом. Я видел, что в ней сейчас дерется: страх, которому ее выучило Дно, — и то, ради чего она вообще осталась со мной, потому что за деньги со мной оставаться было незачем.

— Хорошо, — сказала она наконец и повернулась. — Тогда по-моему.

— По-твоему.

— Двигатели я не глушу. Висим над каньоном, а не в нем, кормой к выходу, на прямой тяге. Ты идешь к ним сам, по воде, с контейнером: двести метров, дольше, зато корабль остается свободным. — Она говорила быстро, уже глядя на схему. — Четыре минуты, Гром. От шлюза

до шлюза. Если через четыре минуты ты не пошел обратно или если из их люка выйдет второй — я поднимаю корабль и жду тебя наверху. Не спорь. Ты один раз уже решил, что успеешь.

Я не спорил. Это был точный расчет, и он был не мой.

— Принято, — сказал я.

Скафандр сел уже привычно. Нога отозвалась на первом же шаге по трапу — старая рана вела свою запись событий не хуже планшета и напоминала о ней в самое подходящее время. Я взял контейнер из гнезда, прошел через нижний грузовой люк и вышел в воду.

Холод здесь стоял такой, что его было слышно.

Двести метров я шел вниз по касательной, на малой тяге ранцевого, держа контейнер перед собой, и все это время смотрел не на катер, а на его борта: где люки, сколько их, есть ли тени в разбитых иллюминаторах. Я чувствовал себя мишенью ровно столько, сколько шел.

Боковой шлюз открылся со скрежетом, который я услышал корпусом.

Оттуда выплыла одна фигура. Один человек, в скафандре не лучше и не хуже наших: латанный шов на бедре, трещина на стекле, заклеенная полосой ремонтного состава. Он двигался медленно и держался за скобу, потому что его вело.

Я передал ему контейнер.

Он подхватил его двумя руками и чуть не ушел вниз вместе с ним — сил не было совсем. Потом выпрямился, поднял ладонь и подержал ее открытой. На Дне это значит «вижу, что у тебя пусто, и у меня пусто». Древнее приветствие безоружных, которым уже никто не пользуется всерьез.

Я поднял свою.

Он ушел в шлюз. Я развернулся и пошел обратно быстрее, чем шел туда, потому что четыре минуты кончались, а Сарра слов на ветер не бросала.

Через восемь минут двигатели катера чихнули, поймали ритм и вытащили его со дна каньона. Он поднимался косо, боком, некрасиво — как поднимается все, что чинили в темноте руками.

Поравнявшись с нами, он подал голос:

— Спасибо, «Тихий Странник»... Мы не забудем. Удачи вам на Дне.

И ушел в муть.

Я снял шлем в шлюзе и долго сидел на решетке, пока с меня текло.

Пять контейнеров вместо шести. До «Рифа» дойдем, обратно тоже — но без права на ошибку и без крюка, если крюк понадобится. Я отдал не деньги. Деньги у меня были; а запаса прочности стало меньше на одну шестую, и это единственная валюта, которую на Дне действительно жалко.

И это была вторая такая сделка подряд.

Месяц назад я нашел Барта с «Камнеда» и отдал ему пять тысяч — долю за координаты жилы, которые нашел его человек, давно мертвый. Барт не сумел бы меня отыскать при всем желании. Теперь я отдал контейнер троим, у которых нет ни имен, ни адреса, ни возможности вернуть. Дважды за месяц я заплатил тем, кто не может предъявить счет.

Так делал Арто. Он двадцать лет чинил чужое, не брал за инструмент и умер, боясь остаться должным.

Отец на его месте сначала прикинул бы пользу. Записал бы в тетрадь: трое, катер, дальний сектор, может пригодиться. Он взвешивал даже тех, кого любил.

Чей я сын, я в тот вечер так и не решил и решать не торопился.

Сарра встретила меня у трапа с ключом в руке — я так и не понял, зачем ей понадобился ключ. Ничего не сказала. Просто пошла впереди в рубку и села в кресло.

— Курс прежний, — сказала она. — Двадцать часов до кромки сектора.

— Двадцать, — согласился я.

Впереди лежала база, у которой два имени и ни одного закона. А вел нас туда файл, отданный даром человеком, в которого стреляли: если он еще был кому-то должен, то теперь уже вряд ли.

Глава 4. Кормить воздухом

На картах она называется «Костяной Риф».

Так ее назвал Тобб на «Горле Машины», так ее назвал Сайлас за секунду до того, как у него за спиной начали стрелять, так она стоит в лощинах — если кто-то вообще вносит такое в лощии. Настоящее ее имя мы услышали часа через два после стыковки, и было оно короче.

«Анархия».

Новые сканеры взяли базу за сорок минут до подхода.

Тридцать тысяч кредитов за дальнейшее зрение — за четверо суток перехода я успел решить, что переплатил. В эти сорок минут я решил обратное. Отметка на экране росла медленно и чем ближе, тем меньше походила на базу. У базы есть форма. У этой формы не было.

— Это не купол, — сказала Сарра, глядя не в иллюминатор, а в развертку сканера, как ее учили. — Это... оно вообще из чего?

— Из всего.

Из мути перед нами вылезло нагромождение корпусов, кусков старых баз, ржавых платформ и двух астероидов, стянутых между собой сваркой, тросами, силовыми полями и, судя по некоторым узлам, честным словом.

Оно росло вбок и вверх без всякого замысла, как растет коралл: где было за что зацепиться, там и приросло. Тускло светились изнутри — вывесками, синими сполохами сварки, красными точками стыковочных маяков. Из труб валил дым и пар и висел вокруг плотной завесой, потому что течения здесь не было. Отовсюду торчали антенны, обрубки конструкций и стволы. Я насчитал одиннадцать орудийных постов, прежде чем бросил считать.

Ни Купола, как на «Тихой Гавани». Ни промышленного порядка Верфи. Ни ярусов, ни секторов, ни разметки.

— Святые глубины, — тихо сказала Сарра. — Это же свалка. Которую кто-то оживил.

— Похоже, Сайлас не шутил про законы, — отозвался я.

Я запросил диспетчера на трех аварийных частотах и на общей. Эфир ответил музыкой из чьего-то бара и мужским смехом. Никаких каналов, никаких очередей, никакого голоса, который спросил бы имя борта и назначение груза.

Я привык злиться на такие голоса. Оказалось, к ним еще и привыкаешь.

Мы обошли риф по кругу на малом ходу, выбирая узел. Ближние к центру были заняты или выглядели так, что подходить не хотелось: два со срезанными фланцами, один с обугленным воротником. Я взял дальний, на отшибе, у самой кромки, где корпус базы переходил в чью-то старую корму. Свободный, целый, с работающим захватом.

Стыковка вышла такой, будто «Странник» обнял ржавого недружелюбного ежа.

Сарра поморщилась от скрежета.

— Мы тут теперь самые красивые, — сказала она.

Это была не шутка, и мы оба это знали.

Двадцать четыре дня у Рорка нам меняли корму, перекладывали энергосистему, ставили бронепластины по левому борту и по корме, вскрывали седьмой сектор и выводили наружу оптику дальних сканеров. Все это было потрачено правильно. И все это на подходе к «Анархии» читалось одним словом: богато.

На «Последнем Вздохе» это означало бы уважение. Здесь — очередь.

— Ничего не трогаем, ничего не открываем, — сказал я. — Идем налегке, вдвоем, возвращаемся раньше, чем успеем надоесть.

— А корабль?

Вот это и был вопрос.

Замки на «Страннике» стояли новые и хорошие. Три часа работы для человека с резак — и половина базы состояла из людей с резаками.

Смотрящий нашел нас сам, пока мы сходили по трапу.

Он сидел в двадцати шагах, в нише переходного рукава, на перевернутом ящике, и не встал. Лет шестидесяти, лысый, с обвислой кожей человека, который когда-то был крупным. На коленях лежал обрез, рядом — планшет с треснувшим экраном, и на экране не было ничего, кроме списка.

— Узел мой, — сказал он.

— Понял.

— Пятьдесят за сутки.

Я достал токены. Не чип, не имплант, не терминал — плоские серые пластинки, которые мне выдали на Верфи по моей же просьбе, без вопросов и без записи. Двести штук по десять.

На счете у меня лежало двести одиннадцать тысяч восемьсот семьдесят два кредита, и здесь они весили ровно столько, сколько весит слово. Ни реестра, ни арбитра, ни машины, которая подтвердит, что я — это я. Мой сертификат механика второй ступени с допуском на энергоконтуры до третьего класса годился на «Анархии» на то, чтобы завернуть в него гайку.

Пять пластинок легли ему в ладонь.

— Я плачу за то, чтобы корабль был на месте, — сказал я.

Он посмотрел на меня с интересом, которого до этого не было.

— Ты платишь за то, что я скажу своим: борт мой. — Токены ушли за пазуху. — Это не одно и то же, но у нас другого не продают.

— А если придут не свои?

— Тогда я тебе ничего не должен, и мы оба знали это заранее. — Он все-таки поднялся, чтобы оглядеть «Странника» целиком, и присвистнул. — Броня новая. Совет тебе, парень: не трое суток.

Собирались мы минут двадцать, и это была самая честная ревизия за месяц.

Дневник отца я не взял. Тетрадь легла в гнездо за переборкой седьмого сектора, туда, где раньше стояла глухая заглушка, а теперь была ниша с крышкой на четырех винтах — Рорк сделал ее просто потому, что место оставалось, и не спросил зачем. Планшет с записью звонка Сайласа — туда же. Все, что нельзя купить заново, осталось на борту, и от этого стало легче: если у меня в коридоре заберут все, что при мне, я потеряю день, а не двадцать лет.

При себе: резак под курткой, мультиключ отца в кармане, нож, две сотни токенов по десять, распиханных по трем местам, потому что в одном месте деньги носят только те, кто их ни разу не терял. Кристалл-словарь под ребрами — этот всегда со мной, его не снять и не отдать.

Сарра взяла резак из выкупленных у Тобба — не тот, что был у Греты (тот я продал в самую черную неделю), а рабочий, из одиннадцати позиций, которые мы забрали назад на Верфи. Она держала его по-гретиному, большим пальцем вдоль корпуса, и я так и не собрался ей сказать, что заметил это еще тогда, в коридоре перед рубкой.

— Готова?

— Нет, — сказала она. — Идем.

Мы пошли внутрь.

Коридоры были прорезаны прямо в обломках или сварены из листов — кривые, узкие, с порогами через каждые десять шагов, там, где кончался один корабль и начинался следующий. Свет шел в основном от вывесок. Аварийных ламп было мало, и половина мигала. Воздух стоял густой: перегар, пот, ржавчина, гниль, горелое масло и дешевая химия, которую тут курят.

Из-за дверей неслись крики, хохот, песни, звуки драки. Дважды за первые полчаса я слышал выстрелы, и никто вокруг даже не повернул головы.

Публика шла густо и толкалась. Пираты в потертых куртках с нашивками кланов — черепа, кости, хищные рыбы. Контрабандисты с бегающими глазами. Наемники, у которых глаза не бегали вовсе. Игроки, беглые, дезертиры. Торговцы краденым, разложившие товар прямо на палубе, на кусках брезента. И просто отчаявшиеся, прибившиеся сюда, потому что больше некуда.

Вооружены были все. И почти все смотрели на нас.

Не с угрозой. С прикидкой. Так смотрит скупщик на принесенный лом: сколько выйдет чистого металла.

Я вдруг понял, что за три месяца отвык от этого взгляда. На Верфи меня оценивали по сертификату, на «Вздохе» — по метке должника, и оба раза оценка была плохая, но оба раза ее ставила система. Здесь системы не было. Здесь оценивали лично.

На третьем повороте я уже искал глазами стену.

Не какую-нибудь, а ту самую: с нишей, экраном и очередью. На любой базе Дна ты знаешь, где она. На «Гавани» это была панель у распределителя, на «Вздохе» — терминал в Торговом Квартале, на Верфи — окно приемки со строкой «расход по стапелю». Ты можешь ненавидеть Администратора, можешь считать его железом без людей, можешь знать, что он удержит с тебя четверть, — но ты знаешь, где он и что он скажет. Он и есть та стена, от которой на Дне отталкиваются.

Здесь стены не было. Ни ниши, ни экрана, ни очереди, ни строки. Я прошел насквозь три секции и не увидел ни одного терминала — только вывески, товар на брезенте и людей.

Спор при мне разрешили один раз. Двое сцепились из-за ящика с чем-то тяжелым: один говорил, что заплатил вперед, второй — что не за этот. Разбирательство заняло секунд сорок и закончилось тем, что первый лежал, а второй забрал ящик и пошел дальше. Толпа расступилась и сомкнулась, как вода. Никто не позвал охрану, потому что охраны нет; никто не пошел в контору, потому что конторы нет; никто даже не остановился посмотреть, потому что смотреть было не на что — вопрос решен по существу.

Я подумал тогда, что Администратор «Вздоха» удерживал с меня двадцать пять процентов и был при этом самой безопасной вещью в моей жизни.

— Держись ближе, — сказал я Сарре. Рука сама легла на рукоять резака под курткой. — И ни с кем не встречайся взглядом.

Она кивнула и пошла на полшага сзади и слева, чтобы не мешать моей правой руке. Этому ее не учил никто. Это просто все, что случилось с ней после «Тихой Гавани».

Найти в этом муравейнике одного старика было примерно так же реально, как одну гайку в переработанном шлаке. Спрашивать у первого встречного нельзя: спросишь не того — и первым делом узнают, зачем ты здесь, а вторым — что у тебя есть.

Мы начали с баров.

На Дне бар — это не место, где пьют. Это биржа. Там нанимают, там продают, там узнают. Если Харп здесь осел, о нем должны были слышать за стойкой.

«Утонувший Скат» оказался тесной прокуренной дырой на три стола, с липкой стойкой и полом, который лип не хуже. Бармен был огромный и молчаливый, с жабрами по шее и кракеном, вытатуированным на всю лысую голову. Я взял два стакана мутной воды, чтобы было за что платить, и спросил про Харпа.

Он молча протер стойку грязной тряпкой. Потом положил на нее палец и подвинул ко мне. Жест был понятный.

— Пятьдесят, — сказал он.

Я заплатил.

— Харп? Старый хрыч с механическим глазом? — Токены он спрятал не глядя. — Бывает. Когда не в рейсе на своей развалюхе. Мелким ремонтом промышляет. И поговаривают, он из Удильщиков. Бывших. — Бармен подмигнул мне единственным мутным глазом.

— Только бывших Удильщиков не бывает, верно? Ищи мастерскую в «Жестяном Лабиринте». Старая секция, ближе к движкам этого нашего корыта. Вывеска там — «Якорь и Ключ». Если ее еще не сперли.

Удильщик. Капитан Харп — Удильщик.

Отец писал о нем с уважением. Отец не писал, что доверял груз и таран человеку из клана, который живет тем, что берет чужие грузы. Двадцать лет — достаточный срок, чтобы человек сменил сторону. Или чтобы стало понятно, что он ее и не менял.

Я допил воду и задал второй вопрос.

— Еще одно. Плазменный резак, старая серия, тяжелый. Сопло меняное, не родное. Батарея на две трети. Ушел сюда с проходящего борта месяца полтора назад.

Бармен посмотрел на меня так, как я и ожидал.

На мне была куртка за триста кредитов, у дальнего узла стоял корабль с новой броней, я только что не торгуясь отдал полсотни за три фразы — и спрашивал про подержанный инструмент по цене этой самой куртки.

— Ставку, что ли, ищешь? — сказал он наконец. — Была такая. Ушла в «Яму» месяц назад, ставкой за бой. Спроси у распорядителя, он тебе за десятку скажет, кому досталась.

— Точно она?

— Тяжелая, старая, сопло меняное. — Он пожал плечами и отвернулся к бутылкам. — Что ж я, резак не видел.

«Последний Глоток» был хуже. Темнее, тише, и воздух в нем был пропитан не перегазом, а чем-то вроде общего согласия, что дальше уже ничего не будет. Здесь на имя Харпа отреагировали иначе: за соседним столом оборвали разговор и повернулись все четверо разом.

— А тебе какое дело до старого Харпа, салажонок? — Самый крупный, с лицом, перекошенным старым шрамом, положил ладони на стол. — Должок принес? Или получить хочешь?

— Знакомый я его старый, — сказал я как можно безобиднее. — Привет передать.

— Приветов здесь не передают. — Шрамолицый усмехнулся. — Здесь передают другое. Или забирают. Усек?

Мы вышли. Взгляды я чувствовал спиной до самого поворота и до самого поворота считал шаги — если бы кто-то встал из-за стола, я хотел знать, сколько у меня есть. Никто не встал.

Про резак я там не спросил. Есть вопросы, которые в таком месте задают один раз.

Дальше пошло по накатанной. Торговец информацией у нижнего рынка — сухонький, аккуратный, с чистыми ногтями, что здесь смотрелось страннее жабр, — взял пятнадцать, втрое дешевле бармена, и выдал сразу три версии. Харп ушел в рейс и вернется не скоро. Харп задолжал крупную сумму местному по кличке Ржавый Зуб и прячется в глубоких отсеках. Харп давно кормит рыб, и ворошить его дела вредно для здоровья.

Все три он изложил одинаково ровным голосом, и было очевидно, что за те же пятнадцать изложил бы и четвертую. Чем больше у человека ответов, тем дешевле он их отдает: это правило я вывел за один день и с тех пор ни разу не видел исключения.

Имя Ржавого Зуба я потом произнес еще раз — у прилавка с сушеной рыбой, где мы наконец что-то съели: полоски чего-то бурого и соленого и по кружке горячей воды с травой. Пятнадцать кредитов на двоих, и это были единственные деньги за день, потраченные на что-то, что можно потрогать.

Торговка при имени не испугалась. Она просто перестала слышать. Продолжала считать сдачу, продолжала кивать, а слова в ее сторону больше не долетали, и лицо у нее стало ровно таким же, каким было лицо шахтера в очереди у Администратора, когда при нем называли удержание. На Дне везде одинаково: там, где начинается настоящая власть, у людей выключается слух.

Значит, Ржавый Зуб на «Анархии» есть. Только это и удалось узнать про него бесплатно, и больше я к этому имени не возвращался.

Про резак тот же человек сказал:

— Забудь. Все, что старше пятнадцати лет, уходит в переплавку. Металл дороже инструмента: инструмент чинить надо, а металл лежит и не просит. Твой давно в чушке.

Перекупщик на нижнем рынке — плотный, с масляными руками, прилавок из ящиков, вывеска «Кабель» — денег не взял вовсе и предложил лучшее.

— Триста принеси, — сказал он, — и к завтраму будет тебе старая серия. Хоть три штуки.

— Мне не любая нужна. Мне конкретная.

— Так и я про конкретную. — Он даже не улыбнулся. — Триста.

Сухая сделка, как это называется. Торговля тем, чего у тебя нет, за то, что у человека есть.

Последним был шнур у восьмого узла, лет четырнадцати, в чужой куртке до колен. Этот взял десять и говорил быстро, глядя мимо.

— Видел, видел. Резак тяжелый, старый, сопло вареное. Дядька его сдал с проходящего борта, борт стоял вон там, у восьмого, и ушел на «Ржавый Утес». Я сам грузил, у меня спина до сих пор.

Вот эта версия была хуже всех, потому что в нее хотелось поверить. «Ржавый Утес» лежал у нас по пути к Дельте-9, и это значило бы, что вещь не потеряна, а просто еще немного впереди. Как раз то, что человек в такую минуту покупает дороже всего.

Сарра тронула меня за локоть.

— Спроси его еще раз, — сказала она. — Нет, я спрошу.

Она достала десятку сама — свою, из тех, что я выдал ей перед выходом, — и присела, чтобы говорить с мальчишкой на одном уровне.

— Мы ищем еще один. Резак с тройным соплом, синий кожух, на рукояти клеймо в виде ската. Старая серия, редкая. Видел такой?

Мальчишка думал ровно столько, сколько нужно, чтобы взять токен.

— Видел. У Мокрого в третьем ряду лежал, на прошлой неделе. Он берет, если кожух целый.

— Спасибо, — сказала Сарра и выпрямилась.

Мы отошли шагов на двадцать, прежде чем я спросил, хотя уже знал.

— Такого резака не бывает?

— Такого резака не бывает, — сказала она. — Я его придумала, пока ты слушал про «Ржавый Утес». Тройное сопло — это чтобы не резать, а факелом махать. Ты бы сам засмеялся.

Я постоял, глядя на мигающую вывеску напротив.

Пять ответов за сутки. Восемьдесят пять кредитов за них — и полсотни за то, чтобы корабль до утра остался кораблем. Слова здесь стоили дороже железа. И теперь я знал только одно: все пятеро отвечали не потому, что знали, а потому, что вопрос был задан.

Здесь это даже не считалось обманом. Обман — это когда ты продаешь пустую банку под видом полной. А тут товар честно называется своим именем: у нас спрашивают — мы отвечаем. Это называется кормить воздухом, и на «Анархии» этим кормили всех и всегда, потому что воздух ничего не стоит, а платят за него как за еду.

Самое поганое было не в этом.

Правда здесь не дороже лжи. Пятьдесят за «Харп в „Жестяном Лабиринте“» и пятнадцать за «Харп кормит рыб» — и дешевое сказано тем же ровным голосом, что и дорогое. Отличить нельзя ни ушами, ни кошельком. Отличить можно только ногами: пойти и посмотреть.

— Значит, идем в Лабиринт, — сказала Сарра. — Проверять единственное, что можно проверить.

— Ты бледная.

— Я устала. Это разное. — Она поправила ремень. — И у тебя нога.

Нога и правда вела свою запись. Рубец на левом бедре не болел — он именно ныл, ровно и тупо, как ноет плохо затянутый шов на трубе, и на каждом пороге напоминал, что на ногах

я в этот день часов шесть. Финч говорил: полгода будет напоминать. Финч не соврал мне еще ни разу.

Перед входом в старую секцию Сарра остановилась и достала планшет.

— Погоди.

Она развернула пустое поле — схем «Анархии» не существует в природе — и начала быстро отмечать: узел, рукав, три поворота, порог, лестница вниз, галерея с вывесками, второй порог.

— Это что?

— Счисление пути, — сказала она, не поднимая головы. — Когда нет ориентиров, ты пишешь курсы и время, а потом по ним возвращаешься. Нас так учили в модуле. — Она подумала. — То есть меня так учил модуль. Я не знаю, как правильно говорить.

— Правильно — как сказала.

Я смотрел, как она ставит на пустом поле кривые черточки, и думал, что за день купил пять ложных ответов, а рядом со мной все это время шел человек, который просто записывал дорогу.

«Жестяной Лабиринт» оказался самой старой частью рифа: корпуса древних, еще доизолационных кораблей, стянутые ржавыми переходами и мостками, которые гнулись под шагом.

Здесь было тише. Ни вывесок, ни музыки, ни толпы. Из-за закрытых дверей доносился стук инструмента, шипение сварки, приглушенные голоса. Пахло старым металлом, плесенью и химией. За одной дверью кто-то ровно, без злости, ругался на непослушную резьбу, и это был первый звук на всей базе, который я понял целиком.

Мы плутали долго. Дважды упирались в тупик, один раз вышли туда, откуда начали, — и это Сарра поняла на десять шагов раньше меня, по своим черточкам. Мостик через шахту старого лифта переходили по одному. Внизу, метрах в двадцати, стояла вода, и в воде что-то было.

Один раз я все-таки постучал в чужую дверь — наугад, потому что за ней работали и, значит, там был человек, знающий соседей.

Стук инструмента оборвался. Мы стояли и слушали, как за железом кто-то не дышит. Потом работа возобновилась, ровно с того же места, будто нас не было. В «Жестяном Лабиринте» никто никому не открывает, и это, пожалуй, самое здоровое правило, какое я встретил на этой базе.

Старик со свернутым шлангом на плече, попавшийся навстречу в галерее, оказался разговорчивее ровно на два слова. Я спросил про «Якорь и Ключ». Он посмотрел на меня, на Сарру, на мою куртку — и ответил:

— Дальше, вниз.

И ушел. Денег он не взял и, кажется, поэтому не соврал.

— Что ты ему скажешь? — спросила Сарра, когда мы спускались.

— Кому?

— Харпу. Если он там. — Она перешагнула через порог. — «Здравствуйте, вас двадцать лет назад записал в тетрадь один барон, которого убили»?

Я об этом думал четверо суток перехода и не придумал ничего.

— Скажу: я сын Теодора Креста.

— А если он тебе за это не обрадуется?

— Тогда я узнаю про отца что-то новое, — сказал я. — Это тоже зачем-то нужно.

А потом мы ее увидели.

Кусок ржавого листа, прикрученный над низкой дверью двумя болтами — одним настоящим, вторым от чего-то другого, забитым в отверстие молотком. На листе краской, грубо, от руки: якорь, перечеркнутый гаечным ключом.

«Якорь и Ключ».

Мастерская Харпа. Если бармен не соврал.

Первый ответ за сутки, который не оказался ложью, — и стоил он ровно столько же, сколько четыре лживых.

Я стоял и смотрел на вывеску дольше, чем нужно. Двадцать лет назад один человек был должен моему отцу настолько, что отец записал его имя своей рукой. Сегодня это имя стоило пятьдесят кредитов у бармена с татуированной головой и вело к двери из листового железа в третьем поколении чужой ржавчины.

Дверь была закрыта плотно. Изнутри — ни звука.

Я постучал.

Тишина.

Сарра отступила на шаг и встала так, чтобы видеть коридор в обе стороны. Я постучал снова, сильнее.

За дверью шаркнуло. Потом пошли шаги — тяжелые, два или три, — и остановились. Лязгнул засов. Дверь двинулась внутрь, медленно, со скрипом, на ладонь.

В щели показался сначала ствол короткого дробовика.

Потом — часть обветренного лица и один глаз, живой и холодный. На месте второго тускло светился синий имплант.

Глава 5. Кто держит проход

Харп.

Я видел его один раз в жизни, двадцать лет назад, на «Последнем Вздохе», и запомнил не лицо, а то, как перед ним расступались взрослые. Он почти не изменился. Стал суше — старый трос, с которого срезали все лишнее. Лицо в белых шрамах, как переборка в трещинах. Живой глаз смотрел поверх ствола, и по тому, как стояла дверь, было понятно: он держит ее ногой.

— Чего надо? — Голос хриплый, ржавый. Дружелюбия в нем не было ни на кредит.

Я успел открыть рот.

Из бокового переулка с ревом вывалилась толпа.

Человек двадцать. Может, больше — считать было некогда.

Обрезки труб, цепи, ржавые тесаки, дубина с вбитыми в нее кусками металла. Оружие, которое не покупают, а собирают из того, что валяется под ногами.

Кожа, брезент, приваренные к брезенту пластины. Лица, перекошенные от ярости и дури; у переднего изо рта тянулась нитка слюны, и он этого не замечал.

«Вольница». Так на Рифе зовут тех, кто не признает даже пиратского кодекса.

А перед ней, отступая и отбиваясь, шли человек десять в темных прочных комбинезонах. На рукавах — выцветшая нашивка: скелет рыбы-удильщика.

Удильщики.

У этих оружие было настоящее: два плазменных пистолета, шоковые дубинки, короткий вибромеч. Они отходили правильно, уступая по метру и прикрывая друг друга, и все равно проигрывали — просто потому, что их было вдвое меньше.

И отходили они к нашей двери.

— Внутрь! — рявкнул Харп. — Быстро!

Он дернул дверь на себя, но это уже ничего не решало.

Толпа дошла до нас первой.

Мы с Саррой вжались в стену между дверью и ржавым кожухом какой-то давно снятой машины.

— Не к двери, — сказала она мне в ухо. — За кожух.

Я не понял, а потом понял. У двери мы стояли открытые с трех сторон. За кожухом проход сужался до одного человека: там нас могли достать только спереди и только по одному.

Мы сдвинулись за кожух. Мимо, не заметив нас, пробежали двое.

Дальше был звук. Крик, лязг, шипение плазмы, глухие удары железа о живое. В узком проходе все это стояло стеной, и от этого казалось, что бьют и по тебе тоже.

Драка шла без правил и без замысла: наваливались, где стояли, лезли через своих, били по своим же спинам. Против такого пиратский кодекс выглядел законом.

Молодому Удильщику с краю прилетело трубой по голове. Он рухнул, пистолет отлетел под ноги толпе, и на упавшего сразу надели вторым.

Второй, прикрывавший отход, отмахивался вибромечом, пока его не обошли с двух сторон. Он упал молча.

Запах пошел знакомый: пот, кровь, озон. Так пахнет авария. Только аварии не кричат.

Я держал Сарру за плечо и до последнего верил, что нас это не касается. Двое за кожухом, руки на виду, ничего не берем, ничего не защищаем. Нас должно было пронести.

На «Тихой Гавани» такую драку у дверей мастерской разнял бы патруль Векса — минут за десять, дубинками, не разбирая правых. На Верфи погасили бы свет на ярусе, и все разошлись бы сами.

Над нами, на втором уровне, кто-то откинул люк. Я увидел лицо: посмотрело вниз, оценило, кто кого, — и люк закрылся обратно.

Никто не собирался приходить. Ни за десять минут, ни за час. На этой базе не было никого, кто вообще ходит на крик.

Значит, считать надо было самому.

Проход — три шага в ширину. Выход в переулок — за спинами «вольницы», то есть его нет. Дверь мастерской — в двух метрах справа, открывается внутрь, и держит ее человек, который нас не знает. Если он закроет ее сейчас, мы останемся снаружи: двое с инструментом против двадцати труб. Если не закроет — ее вынесут вместе с ним, и нас вместе с ней.

Плазменный пистолет упавшего Удильщика лежал шагах в четырех, у самой стены. Я успел прикинуть, дойду ли. Между мной и им стояли трое, и один из трех смотрел в мою сторону.

Оружие, за которым надо идти через толпу, — это не оружие. Это причина умереть по дороге. Я знал это еще со «Скалы Грифа» и не полез.

Я стоял с резакom в руке. На счете у меня лежало двести с лишним тысяч кредитов, в кармане звенели токены, и ни то, ни другое не покупало здесь ни одной секунды.

Огромного бородатого детину с цепью приложили чем-то по голове, он качнулся из свалки боком, и вынесло его прямо на нас. Взгляд у него плавал. Потом собрался — и встал на Сарре.

— О. Свежее мясо, — сказал он почти ласково и повел цепью назад, замахиваясь ей в голову.

Дальше я себя не помню.

Помню только, что резак был уже в руке и палец уже давил пуск.

Струя ударила его в грудь и в бороду. Брезент занялся, детина взвыл — но он был пьян и слишком велик, чтобы упасть от одной боли. Цепь все-таки пошла вниз; я поднырнул и рубанул по руке. Цепь звякнула о пол.

Он взревел и полез на меня, растопырив ручищи. Не бить. Хватать.

Сарра шагнула сбоку и ткнула его резакom под ребро. Коротко, как режут прикипевший шов: подвести, дать искру, убрать.

Он постоял еще секунду и рухнул нам под ноги — так падает не человек, а конструкция, у которой срезали опору.

Мы стояли над ним, оба с дымящимися резаками, и дышали, как после смены.

Мы вмещались.

Мы выбрали сторону.

О том, что у нас в руках инструмент, а не оружие, я подумал позже — уже внутри, когда считал остаток заряда.

Удильщики отошли к самой двери и оттуда отстреливались, потеряв еще одного. «Вольница» на секунду замялась: она не ждала, что двое у стены окажутся не мясом.

Этой секундой Харп и распорядился.

Он вышел из мастерской с дробовиком за спиной и с тяжелым энергетическим ружьем в руках. Ружье гудело низко, на грани слуха, и от этого гула ныли зубы.

— Ко мне! Прикрывать! — крикнул он.

Мы пошли к двери, отбиваясь. Я прикрывал Сарру, она — меня; мы уже умели это делать и ни разу об этом не договаривались.

Харп дал три разряда. Передних смело, как сметает волной пустые контейнеры: кто стоял — положило, кто шел сзади — отбросило на своих. Этого хватило на несколько секунд.

— Внутрь! — рывкнул он, и мы ввалились в мастерскую все, кто мог идти. Дверь встала на место, засов лег в проушины.

С той стороны сразу ударили.

Дверь была хорошая: толстый лист, ребра жесткости, наварные косынки по углам. Ее делали руками и головой. Она держала.

Мастерская оказалась узкой и низкой: верстак вдоль стены, тиски, стеллаж с железом, ящики под ящиками. Пахло маслом, озоном и кровью.

Нас в ней было семеро. Мы двое, Харп и четверо его людей.

Из десяти, что отходили к этой двери, внутрь вошли четверо. Двоих я видел сам. Где остались остальные, никто не сказал, и никто не спросил.

Из четверых невредим был один — крепкий парень с огненно-рыжей бородой, которого Харп звал просто Рыжим. Остальные трое: плечо, нога и голова. Тот, что с головой, — тот самый молодой, которого сбили в начале, — не приходил в себя и постанывал ровно, будто ему плохо спится.

Харп осмотрел своих, потом нас. Механический глаз тускло светился синим и не двигался; живой двигался и был холодным.

— Добро пожаловать на «Анархию», салаги, — прохрипел он, перезаряжая ружье. — Время выбрали неудачное. Компанию — тоже.

— За тобой шли? — спросил я.

— За квартал. — Он мотнул головой на дверь. — Делят третью неделю. Мы просто оказались на дороге.

Мастерская стояла здесь девять лет. Ее выломали не потому, что кому-то был нужен Харп, и не потому, что кто-то поверил в его долг, которого не было. Она стояла на дороге.

Охота была бы понятнее.

По двери ударили тяжелее — уже не трубами и не кулаками.

— Пробуют петли, — сказал Рыжий, не отходя от щели у косяка. — Петли им не по зубам.

Харп сел на перевернутый ящик напротив нас и положил ружье на колени.

— Ну. Кто.

— Майкл Крест. Сын Теодора Креста.

Живой глаз не изменился. Но пауза была — короткая, на одно дыхание, и я ее услышал.

— Вижу, — сказал он. — Похож. — И, помолчав: — Не сейчас.

Он занялся ранеными: достал из ящика бинты и что-то в мятой банке, пахнущее так резко, что у Сарры выступили слезы. Работал быстро и грубо, как работают с железом, и никто из его людей не пикнул.

Мой шов Финча разошелся в драке — снизу, у самого края рубца. Крови было немного. Сарра перетянула бедро поверх штанины, и руки у нее не дрожали. Это я отметил отдельно.

— Ну и влипли, — сказал я тихо. — Опять.

— Не привыкать, — так же тихо ответила она.

Я поднялся посмотреть, чем тут можно подпереть дверь, и остановился у верстака.

Среди чужого железа — ключи, сорванные хомуты, обжимки, три разных сопла в жестянке — лежал плазменный резак старой серии.

Меняное сопло. Посадка подточена напильником, от руки, с одной стороны глубже, чем с другой, — потому что новое сопло стоило тогда дороже, чем весь резак, а это садилось на четверть оборота не туда. Батарея на две трети. Накладка на рукояти протерта до металла с одной стороны. С той, где большой палец.

Я знал этот резак лучше, чем свои руки. Я держал его в них тридцать раз, и когда его продавали, я стоял рядом и слышал цену.

В дверь ударили тараном. Лист загудел, засов сел глубже в проушины, с потолка посыпалась ржавчина.

А я стоял у верстака и смотрел на инструмент.

— Откуда? — спросил я.

Харп не поднял головы от чужой перевязанной ноги.

— Купил. С борта, проходил тут. Полтора месяца. — Он затянул узел. — Старая серия надежнее новой.

Я ничего не сказал. Сарра посмотрела на меня, потом на верстак, потом снова на меня — и тоже ничего не сказала. При чужих не спрашивают.

Вместо этого я взялся за дверь.

В стеллаже нашелся обрезок уголка — метра полтора, ровный, без ржавчины. Я отмерил по месту, отхватил резакон лишнее, поставил распор от двери в станину верстака и прихватил концы сваркой Харпа. Сварочник у него был старый, с ручной подачей, и держал криво, но три шва я положил.

Работа заняла минут двадцать. За эти двадцать минут я ни разу не подумал ни о «Рассвете», ни о том, что человек напротив знал моего отца. Руки делали то, что умели, и от этого в голове стояла тишина — впервые за сутки.

Харп посмотрел на распор, потом на швы.

— Механик?

— Второй ступени.

— Тут это ничего не значит. — Он вернулся к своему ружью. — А железо значит. Держи еще уголок.

Второй распор мы поставили вдвоем, накрест с первым.

Осада шла уже часа три.

Удары стали реже, но не прекращались: раз в минуту, потом раз в пять, потом снова три подряд. В них появилась неприятная ровность. Люди, которые ломаются всерьез, ломаются до конца; эти били так, будто у них было время.

Значит, оно у них было. Они ждали. Ждать они могли чего угодно: пока мы полезем сами, пока кто-то принесет им резак получше нашего, пока Харп решит, что дешевле откупиться. Они знали, что дверь одна, и знали, сколько нас.

Внутри стало душно. Регенерации на такую нору не полагалось, и семь пар легких быстро сделали воздух своим: теплым, кислым, с железным привкусом.

Сом сидел у стеллажа, привалившись здоровым плечом, и с каждым получасом становился бледнее. Сарра дала ему воды из своей фляжки; он посмотрел на фляжку, как смотрят на дорогое, и отпил ровно два глотка — не больше.

Малек в углу перестал стонать. Я сначала обрадовался, а потом понял, что это хуже.

Еще через час с той стороны заскрежетало по полу что-то тяжелое.

Первый удар тарана прогнул лист внутрь на палец. Распоры застонали и приняли.

На третьем в листе, у нижнего угла, пошла трещина.

— Долго не выстоит, — сказал Харп, поднимаясь. — Есть черный ход. Ведет в катакомбы. Там заблудится и Кракен, но там нас искать не пойдут.

Он посмотрел на своих. Медленно, по одному.

— Уйти сможем не все.

Тишины после этого не стало — по двери все так же били. Просто никто не ответил сразу.

— Мы, — сказал тот, с перевязанной ногой. Голос слабый, а слово ровное.

— Крюк, — сказал Харп.

— Мы, — повторил Крюк. — Я на ногу не встану. Сом на руку не встанет. Малек не встанет вообще. Считать нечего.

Сом, у которого было плечо, кивнул. Малек в углу молчал.

— Я вынесу мальчишку, — сказал я. — На себе.

Харп посмотрел на меня так, как смотрят на человека, взявшегося поднять груз, не поглядев на бирку.

— В нем килограммов восемьдесят, — сказал он. — Плюс броня. Впереди два завала, где ползут на боку, и лестницы. Ты хромаешь, парень. Через сто метров ты его положишь, через двести — себя и его. И встанем все.

Он был прав. Я понял это на второй фразе, но у меня оставался еще один инструмент, и я всегда пробовал его последним.

— Тогда деньги. У меня двести тысяч. Купить проход. Отдать им, сколько скажут, — за то, чтобы разошлись.

Рыжий у щели коротко хмыкнул.

— Кому? — сказал Харп. — Покажи мне того, кто возьмет и сделает. Возьмет — и пойдет искать, у кого еще столько есть. Тут нет конторы, парень. Тут даже старшего нет: они делят квартал, а не считают выручку.

Двести одиннадцать тысяч семьсот тридцать два кредита. За эти деньги мне на Верфи перебрали корабль до силового набора, поставили броню и оптику, которая видит на сорок минут вперед. Здесь на них нельзя было купить даже разговора.

Так что мы вернулись к тому, что было: пятеро уходят, трое держат.

Харп смотрел на них долго. В лице у него не дрогнуло ничего, но он моргнул один раз — живым глазом, — и мне этого хватило.

— Кто держит проход, тот в стене, — сказал он.

Это я знал. Так у нас говорят про Безымянного кормильца: про того, кто упал в забое и остался в нем, и где он остался, обвалов больше не бывает. Я слышал это на «Гавани» от стариков, которые в жизни не видели пирата. Оказалось, на Дне это говорят везде одинаково.

— В стене, — сказал Крюк и взял с ящика второй пистолет.

Сарра открыла рот. Я взял ее за локоть — не потому, что она сказала бы глупость, а потому, что говорить тут было нечего.

Рыжий отодвинул стеллаж от дальней стены и нажал на неприметную панель. Часть стены со скрежетом отошла в сторону. Оттуда пахнуло сыростью и стоячей плесенью.

— Пошли, — сказал Харп. — Не отставать.

Я шагнул к проходу, вернулся к верстаку и сдернул с него резак одним движением.

Мастерскую унести нельзя. Одну вещь — можно.

Харп это видел. Он не спросил.

Дверь черного хода встала за нами, и почти сразу с той стороны, из мастерской, пошел рев, грохот выломанного листа и выстрелы. Стреляли трое. Долго. Дольше, чем я считал возможным.

Мы бежали узким тоннелем, спотыкаясь о хлам, в свете двух фонарей на пятерых. Бедро отзывалось на каждый шаг, и я держал темп на злости.

Мы были живы. Мы снова бежали.

Кажется, это становилось у нас основным занятием.

* * *

Тоннель вывел в технический коридор — шире, но такой же мертвый. Ответвления, люки в полу, ржавые лестницы в темноту. Схемы этого места не существовало, я уже знал.

— Куда, капитан? — спросил Рыжий.

— Вниз, — сказал Харп. — В самые нижние.

Мы спустились по скользкой лестнице, потом еще раз. Внизу воздух стоял тяжелый, пахло плесенью и гнилью, с потолка капало, под ногами хлюпало.

Где-то над нами, через два или три перекрытия, ровно рокотала толпа — так гудит вода в трубе большого диаметра. Рыжий сказал, что это «Яма» и что сегодня там будет полно народу: после хорошей драки идут доигрывать.

Звуки боя за спиной кончились раньше. Легче от этого не стало.

Харп шел уверенно и не по схеме, а по приметам: царапины на кожухах, цвет плесени на стыке, направление сквозняка. Иногда он останавливался, поднимал руку и слушал сквозняк, как слушают течь. Рыжий шел замыкающим.

Сарра шла и считала повороты. Вслух, шепотом: правый, вниз, левый, левый, вниз. Как считала галсы на подходе к базе. Я понял, что она пишет обратную дорогу, и не стал сбивать.

На третьем часу она сбилась один раз, поправилась и пошла дальше.

Дважды мы упирались в тупик и возвращались. Один раз прошли галерею, где вода стояла выше колена и была теплой — где-то рядом дышал чужой контур охлаждения. Что-то живое ушло из-под света по этой воде, тяжело и без спешки, и никто из нас не стал светить ему вслед.

Потом пришлось пропустить над головой чужих.

Четверо шли по верхнему настилу, светили вниз через решетку, и мы стояли под ней, не дыша. Свет прошел по воде в полуметре от моего сапога и ушел дальше.

— ...двое чужих при резаках, — говорил сверху голос, гулкий от решетки. — Баба и хромой. Кто найдет — тому и все, что при них.

Настил прогремел, и они ушли.

Так мы стали приметой. Утром на этой базе нас не искал никто; к ночи нас искали по двум словам — «баба» и «хромой», — и оба слова были верные.

— Заметишь тень в тоннеле — назад дороги нет, — тихо сказал Рыжий, когда они ушли.

— Заметишь тень в тоннеле — свети в нее, — сказал Харп.

Потом он остановился у бокового ответвления, заваленного мусором почти доверху, и полез в щель.

За завалом оказался сухой грот — старая вентиляционная камера с давно снятой машиной. Чисто, пусто, и воздух другой: не такой мертвый.

— Привал, — сказал Харп и сел на пол, как садятся люди, которые умеют садиться на пол. — Дальше идти нельзя. К утру угомонятся, будут своих собирать и делить, что взяли. Тогда попробуем выйти.

Рыжий встал у щели. Мы с Саррой сели у стены напротив Харпа и только теперь почувствовали, каково нам на самом деле.

— Те, кто остался... — тихо начала Сарра.

— Они свой выбор сделали, — сказал Харп. Без жалости и без тепла, и, кажется, не ей. — Здесь каждый день бой, девочка. Иногда ты, иногда тебя.

Он достал из-за пазухи фляжку, отпил и протянул мне. Я ждал спирта. Там была вода — чистая, холодная, с привкусом жести. Я передал Сарре.

Мы сидели молча. Сверху, из другого мира, доносилось невнятное и почти домашнее гудение «Анархии».

Рыжий у щели сидел лицом в темноту, но говорил в нашу сторону.

— Ты за нас встал, — сказал он. — Не свой, не за плату, без слова. Клан такое считает. — Он помолчал. — Я скажу, что считает.

Я не понял тогда, чего мне это будет стоить, и сказал спасибо.

— Майкл, — тихо сказала Сарра, когда Рыжий отвернулся. — А если бы это мы. Ты и я. Если бы у меня была нога, а у тебя голова.

Соврать было легко. У меня в запасе лежало две или три фразы на этот случай, и все онигодились.

— Нас бы никто не понес, — сказал я. — Мы для них никто. Нас оставили бы у двери и правильно сделали.

Она кивнула. Ей не нужно было утешение, ей нужен был ответ, и она его получила.

— Тогда надо перестать быть никем, — сказала она.

Я перебрал, что у нас есть. Пятеро. Две трети заряда в одном резаке и полный в другом. Два фонаря. Две фляги, одна почти пустая. Корабль стоял у дальнего узла под платой смотрящему, и сутки за него кончались утром. Дорога к нему шла через квартал, который сегодня делили, и через людей, которые теперь знали нас в лицо.

Отдельно, третьим пунктом после воздуха и дороги, у меня в голове стоял разговор, которого я ждал двадцать лет. Человек, знавший отца живым, сидел напротив, в двух шагах, и молчал.

Харп откинулся к стене и закрыл живой глаз. Синий имплант остался светиться.

Он смотрел на резак у моего колена. На чужой резак старой серии с подточенным напильником соплом, который я снял с горящего верстака вместо того, чтобы взять оттуда что-нибудь полезное.

Он ничего не спросил.

Пока.

Глава 6. Сделка закрыта

Он спросил через час.

За этот час Рыжий успел уснуть сидя у самой щели, проснуться от собственного всхрапа и уснуть снова. Сарра легла на бок, подложив под голову свернутую куртку, и дышала неровно: то ровно, то с задержкой — так дышит человек, который спит и помнит, где он.

Бедро под свежей перевязкой не болело, а тянуло, ровно и нудно, как тянет плохо затянутый хомут. Спать под это можно. Я пробовал.

Харп не спал. Он сидел напротив, ружье лежало у него на коленях, и синий имплант давал в темноте ровно столько света, чтобы я видел: глаз открыт.

— Резак, — сказал он.

Не вопрос. Слово, положенное на стол.

— Ты снял его с верстака. Рядом лежал сварочник — он стоит втрое. И обжимки. И ящик с ЗИПом, который на этой базе меняют на еду. — Он не двигался. — Резак старой серии на любом развале — триста. У тебя куртка дороже. Объясни.

Я думал, с чего начать, и понял, что начинать надо не с вещи.

— На нашей базе была мастерская, — сказал я. — Держала ее старуха. Грета. Механик. Единственный на базе, кто мог поднять что угодно, от фильтра до дрона, и единственный, кто чинил скафандры даром, потому что в дырявом скафандре человек все равно умрет и платить будет никому.

— Даром, — повторил Харп, будто взвесил слово на руке и не поверил весу.

— Даром.левой руки у нее не было, вместо нее — протез из обломков того дрона, который эту руку и отнял. На шее носила ожерелье из болтов, и никто не знал, что оно значит. Я десять лет назад пришел к ней подработать, чтобы накопить на письма сестре, и она взяла меня в ученики, ни разу не сказав этого вслух.

Я взял резак с пола, положил на колено. Накладка на рукояти протерта до металла с той стороны, где большой палец. Ее палец.

— Этим она учила. Экзамен у нее был такой: соберешь свой набор — считаешься механиком. Свой. Не ее. Этот резак она в руки давала редко, и каждый раз я знал, что меня проверяют. Я держал его тридцать раз. Тридцать один — уже сегодня.

— Где она?

— Базы больше нет, — сказал я. — Ее тоже.

Харп ждал. Он умел ждать, как умеют люди, привыкшие, что рано или поздно все говорят сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.